

Дело «Крянгэ (Creangă) против Румынии»¹

(Жалоба № 29226/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 23 февраля 2012 г.

По делу «Крянгэ против Румынии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Николаса Братцы, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Жан-Поля Коста,

Франсуазы Тюлькенс,

Нины Вайич,

Дина Шпильманна,

Леха Гарлицкого,

Пера Лоренсена,

Альвины Гюлумян,

Эгберта Мийера,

Марка Виллигера,

Изабель Берро-Лефевр,

Паиви Хирвеля,

Джорджио Малинверни,

Мирьяны Лазаровой Трайковской,

Небойши Вучинича,

Гвидо Раймонди,

Анны Юдковской, *судей,*

а также при участии Венсена Берже, *юрисконсульта Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 30 марта 2011 г. и 18 января 2012 г.,

вынес 18 января 2012 г. следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 29226/03), поданной против Румынии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд или Суд) 4 сентября 2003 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека

и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Румынии Соринем Крянгэ (далее – заявитель).

2. Интересы заявителя представлял в Европейском Суде адвокат С. Кус, практикующий в г. Бухаресте. Власти Румынии (далее – государство-ответчик) были представлены в Суде исполняющей обязанности Уполномоченного Румынии при Европейском Суде К. Чиутэ (С. Ciută), сотрудницей Министерства иностранных дел Румынии.

3. Заявитель утверждал, в частности, что лишение его свободы с 9 до 22 часов 16 июля 2003 г., как и последующее заключение его под стражу, было незаконным. Он ссылаясь, в частности, на пункт 1 статьи 5 Конвенции.

4. Жалоба была передана в производство Второй Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 1 ноября 2004 г. Суд изменил состав своих Секций (пункт 1 правила 25 Регламента Суда). Дело было передано в производство вновь сформированной Третьей Секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). В рамках этой Секции для рассмотрения дела была образована Палата (пункт 1 статьи 27 Конвенции), как предусмотрено пунктом 1 правила 26 Регламента Суда. 19 февраля 2009 г. Председатель Третьей Секции Суда решил коммуницировать жалобу властям государства-ответчика.

5. 15 июня 2010 г. Палата Европейского Суда в составе: Жозепа Касадевалы, Элизабет Фура, Корнелиу Бырсана, Боштъяна М. Зупанчича, Инеты Зиемеле, Луис Лопеса Герра и Анны Пауэр, судей, а также при участии Сантьяго Кесады, Секретаря Секции Суда, – вынесла постановление по настоящему делу. Она единогласно признала жалобу приемлемой для рассмотрения по существу в части, касающейся предполагаемого нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, и отклонила остальные пункты жалобы как неприемлемые для рассмотрения по существу. Кроме того, Палата Суда единогласно постановила, что по делу имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с лишением заявителя свободы с 10 до 22 часов 16 июля 2003 г. и заключением его под стражу 25 июля 2003 г. после того, как было подано ходатайство об отмене постановления от 21 июля 2003 г. Наконец, Палата Суда пришла к выводу, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с недостаточностью оснований для содержания заявителя под стражей с 16 по 18 июля 2003 г. Кроме того, Палата Суда решила, что власти государства-ответчика обязаны выплатить заявителю сумму в размере 8 000 (восьми тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда и сумму в размере 500 (пятисот) евро в качестве возмещения судебных издержек и расходов.

6. 3 сентября 2010 г. власти государства-ответчика ходатайствовали о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда (статья 43 Конвенции).

¹ Перевод с английского ООО «Российские правовые системы».

² Настоящее Постановление вступило в силу 23 февраля 2012 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

7. 22 ноября 2010 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда решила удовлетворить это ходатайство (правило 73 Регламента Европейского Суда).

8. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. 3 ноября 2011 г. подошел к концу срок полномочий Жан-Поля Коста в должности Председателя Европейского Суда. В этом качестве его заменил Николас Братца, приняв на себя обязанности председателя Большой Палаты Суда при рассмотрении настоящего дела (пункт 2 правила 9 Регламента Европейского Суда). Жан-Поль Коста продолжил принимать участие в заседаниях по делу до окончания срока своих полномочий согласно пункту 3 статьи 23 Конвенции и пункту 4 правила 24 Регламента Суда. После самоотвода Корнелиу Бырсана, судьи, избранного от Румынии, от участия в рассмотрении дела (правило 28 Регламента Европейского Суда) Председатель Большой Палаты Суда назначил Гвидо Раймонди для участия в рассмотрении дела в качестве судьи *ad hoc* (пункт 4 статьи 26 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Суда).

9. И заявитель, и власти государства-ответчика представили дополнительные письменные замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда).

10. Публичное слушание дела состоялось во Дворце прав человека (г. Страсбург) 30 марта 2011 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:
(а) *от государства-ответчика:*

К. Чиутэ, исполняющая обязанности Уполномоченного Румынии при Европейском Суда,
М. Морариу, советник;

(б) *от заявителя:*

С. Кус, член Коллегии адвокатов г. Бухареста, советник.

Заявитель также присутствовал при рассмотрении дела.

Европейский Суд заслушал выступления С. Куса, К. Чиутэ и М. Морариу и их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

11. Заявитель, 1956 года рождения, проживает в г. Бухаресте.

12. В 1985 году заявитель поступил на службу в полицию г. Бухареста. В 1995 году он стал сотрудником отдела уголовных расследований отделения полиции № 5 г. Бухареста.

A. Обстоятельства первого периода содержания заявителя под стражей

1. Версия заявителя

13. В своей жалобе заявитель указал, что 16 июля 2003 г. его начальник сообщил ему о необходимости явиться на допрос в штаб Национальной антикоррупционной прокуратуры Румынии (далее – НАП).

В своих письменных замечаниях по делу, представленных в Большую Палату Европейского Суда 10 февраля 2011 г., заявитель указал, что около 17 часов 15 июля 2003 г., когда он был в отпуске, его коллега из отделения полиции № 5 г. Бухареста сказал ему по телефону о необходимости явиться в НАП на следующий день, не сообщив каких-либо дополнительных сведений.

14. Около 8 часов 45 минут 16 июля 2003 г. заявитель встретил 25 коллег во дворе штаба НАП. Затем около 9 часов их попросили пройти внутрь здания. При входе сотрудник полиции занес данные заявителя и его коллег в журнал регистрации посетителей.

15. Заявителя и его коллег отвели в зал заседаний на первом этаже здания. Вскоре после этого туда вошел военный прокурор V.D. и попросил их письменно описать обстоятельства, при которых они познакомились с тремя людьми: I.D., S.V. и M.I. После этого прокурор вышел из зала и вернулся туда где-то между 9 часами 30 минутами и 9 часами 40 минутами, чтобы забрать показания. Прочитав их, прокурор, как утверждает заявитель, стал угрожать ему и его коллегам заключением под стражу. Затем прокурор снова вышел из зала. В помещение ворвались четверо или пятеро вооруженных жандармов в масках. Один из жандармов попросил заявителя и его коллег достать мобильные телефоны и положить их на стол рядом с другим жандармом. Кроме того, им сообщили, что им разрешено покинуть зал для того, чтобы сходить в туалет или выкурить сигарету, только поодиночке и в сопровождении вооруженного жандарма.

16. Около 15 часов заявитель и его коллеги попросили разрешения выйти из зала, чтобы купить воды и еды. Получив разрешение прокурора, жандарм взял у полицейских деньги и вышел, чтобы купить необходимые продукты.

17. Всё это время у заявителя не было ни выбранного им самим адвоката, ни назначенного адвоката. Он не мог связаться ни с кем за пределами здания.

18. В своей жалобе заявитель утверждал, что ему удалось связаться с адвокатом только около 20 часов.

В письменных замечаниях по делу, представленных в Большую Палату Европейского Суда, заявитель утверждал, что к 23 часам его и одного из его коллег отвели в кабинет прокурора на первом этаже. В кабинете находились сам прокурор, еще один

мужчина и две женщины. Прокурор якобы предложил заявителю дать показания о том, что начальники отделения полиции № 5 г. Бухареста виновны в коррупции. Он добавил, что в обмен на это заявителя не станут заключать под стражу до суда и что вскоре он сможет снова увидеться со своей семьей. Заявитель попросил дать ему возможность воспользоваться услугами выбранного им самим адвоката. Прокурор ответил, что две присутствующие женщины являются государственными адвокатами, и попросил его выбрать одну из них для представительства своих интересов. Заявитель отказался. Он утверждал, что прокурор стал «оскорблять его» и угрожать, что в случае отказа от сотрудничества его заключат под стражу и запретят ему видеться с семьей. Его вывел из кабинета жандарм, которому велели не давать заявителю ни с кем говорить и не отпускать его в туалет без разрешения прокурора.

На публичном слушании дела 30 марта 2011 г. заявитель отметил, что в неустановленное время его семья, которая знала, что в тот день он должен был пойти в НАП, но не видела, чтобы он вернулся после этого домой, связалась с адвокатом С.Н., а тот попросил своего коллегу С. Куса помочь заявителю в прокуратуре. С. Кус подъехал туда в 22 часа, и ему разрешили встретиться с заявителем.

19. Где-то между 1 часом 15 минутами и 1 часом 30 минутами 17 июля 2003 г. заявителя снова отвели в кабинет прокурора. Прокурор заполнил заранее распечатанный бланк с предъявленными заявителю обвинениями и зачитал его заявителю. В ответ заявитель сказал, что он не признаёт деяний, в которых он обвиняется, и настаивает на своих первоначальных показаниях. Заявитель подписал бланк в присутствии адвоката по назначению, М.С. Кроме того, прокурор вручил ему ордер на предварительное содержание под стражей, выданный 16 июля 2003 г., в котором указывалось, что он заключен под стражу на три дня, с 16 по 18 июля 2003 г.

20. Около 1 часа 40 минут в присутствии выбранного заявителем адвоката С. Куса прокурор сообщил ему об ордере на содержание под стражей. Он также описал заявителю имеющиеся доказательства, говорящие в пользу заключения его под стражу, в частности показания его коллег. Ордер был выдан на основании подпункта «h» пункта 1 статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Румынии (далее – УПК Румынии). Со ссылкой на соответствующие правовые акты прокурор указал, что деяния, в которых обвиняется заявитель, представляют собой преступный сговор, получение взяток, а также соучастие в хищении имущества при отягчающих обстоятельствах. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в ордере было сказано следующее:

«В неустановленный день в 1999 или в 2000 году (дата будет точно установлена [позже]) [заявитель] вместе с несколькими коллегами из отделения полиции № 5 застал с поличным в райо-

не Букурештий-Ной (Bucureștii Noi) нескольких человек, которые перевозили в фургоне “Дачия” (Dacia) более двух тонн нефти, выкачанной из трубопроводов. Тогда они потребовали и получили от S.V. и M.I. сумму в размере 20 000 000 леев в обмен на то, чтобы не открывать уголовное расследование в отношении них и позволить им продолжать преступную деятельность.

Факт совершения подозреваемым/обвиняемым этих уголовно наказуемых деяний подтверждается следующими доказательствами:

- свидетельскими показаниями;
- протоколами очных ставок;
- показаниями обвиняемых;
- аудиозаписями;
- фотографиями;
- протоколами опознания по фотографиям.

С учетом того, что условия, предусмотренные подпунктом “h” пункта 1 статьи 148 УПК Румынии, выполнены, то есть указанные деяния наказываются лишением свободы на срок от четырех до восемнадцати лет, а освобождение обвиняемого представляло бы угрозу общественному порядку и проведению расследования по настоящему делу, поскольку обвиняемый является сотрудником полиции и может воспользоваться этим для оказания влияния на подлежащих допросу лиц.

На основании пункта 5 статьи 136, пункта 1 статьи 146, подпункта “h” пункта 1 статьи 148, статьи 1491 и статьи 151 УПК Румынии [прокурор] решил:

избрать в отношении подозреваемого/обвиняемого меру пресечения в виде временного предварительного содержания под стражей... сроком на три дня;

согласно пункту 3 статьи 146 и пункту 3 статьи 1491 УПК Румынии указанное выше содержание под стражей начинается в 22 часа 16 июля 2003 г. и заканчивается в 22 часа 18 июля 2003 г.

Ордер на предварительное содержание под стражей будет выдан... с 16 июля 2003 г. ...».

21. Около 2 часов 30 минут заявителя отвели в помещение в подвале здания, где находились еще тринадцать его коллег. Вскоре после этого его перевели в тюрьму Рахова (*Rahova*).

2. Версия властей государства-ответчика

22. Осенью 2002 года НАП стало известно о хищении нефтепродуктов из трубопровода компании «Петротранс» (*Petrotrans S.A.*) на окраине г. Бухареста, совершенном при непосредственном участии жандармов и полицейских. Допросы нескольких человек 9 и 11 июля 2003 г. и опознание по фотографиям позволили установить причастность к этому хищению заявителя. Прокурор, отвечающий за проведение расследования, V.D., решил вызвать на 16 июля 2003 г. около пятидесяти человек для дачи показаний.

23. 15 июля 2003 г. заявителю и еще шестнадцать его коллегам из полиции была направлена

повестка по месту службы (в отделение полиции № 5 г. Бухареста) с требованием явиться в НАП для дачи показаний для целей расследования по уголовному делу. Об этом также сообщили начальнику полиции 1-го округа г. Бухареста, чтобы он знал, что на следующий день этих полицейских не будет на рабочем месте, а также для того, чтобы обеспечить их явку в НАП.

24. На следующее утро в 9 часов заявитель и его коллеги пришли в НАП. В зале на первом этаже здания их встретил военный прокурор V.D., который сообщил им, что их собираются допросить в рамках предварительного следствия (*acte premergătoare*) по подозрению в причастности к хищению нефтепродуктов из нефтепроводов. Все полицейские на словах отрицали свою причастность к этому преступлению, но согласились дать письменные пояснения по данному вопросу. В результате они получили анкету из десяти пунктов, на вопросы которой они дали ответы на чистом листе бумаги. В течение этого времени прокурор отлучался из зала в свой кабинет на первом этаже здания, чтобы продолжить проводить процессуальные действия в отношении других участников дела.

25. Около 12 часов, когда все сотрудники закончили писать показания, прокурор вернулся в зал и сообщил им, что согласно решению, принятому в тот же день, было открыто уголовное расследование в отношении десяти сотрудников полиции, в том числе заявителя, по подозрению в получении взяток, соучастии в хищении имущества при отягчающих обстоятельствах и преступном сговоре. Остальным семи сотрудникам полиции разрешили покинуть здание НАП.

26. Прокурор попросил десятерых подозреваемых сотрудников полиции дать новые показания и принять участие в очных ставках с другими лицами. Кроме того, он сообщил им о том, что они вправе воспользоваться услугами выбранных ими самими адвокатов. Некоторые из полицейских связались с адвокатами, а прокуратура попросила Коллегию адвокатов г. Бухареста обеспечить адвокатов по назначению остальным подозреваемым, в том числе заявителю.

27. Заявитель добровольно остался в здании НАП, чтобы выяснить свой правовой статус. Он не был обязан там оставаться и мог покинуть здание в любой момент, например для того, чтобы купить воды или сигарет. Так, два сотрудника полиции, А.А. и Г.С., в тот день ушли и больше не возвращались.

28. Заявителя ни разу не помещали под наблюдение или под охрану. Жандармы в тот день находились в здании НАП только для поддержания порядка. Кроме того, в здании нет отдельного входа и особого помещения для содержания задержанных лиц.

29. Около 13 или 14 часов, после того, как в штаб НАП приехали адвокаты пяти полицейских,

выбранные ими самими, и назначенные адвокаты остальных подозреваемых, прокурор приступил к допросу каждого из сотрудников по очереди. Их допрос продолжался от трех до четырех часов.

30. В неустановленное время в ходе допроса заявитель, интересы которого представляла адвокат по назначению M.S., дополнил свои первоначальные показания, данные на чистом листе бумаги, подтвердив, что он работает вместе с С.D. и M.G.M. и поддерживает с ними нормальные отношения. При этом прокурор сделал на листе пометку, что первоначальные показания были даны в 10 часов.

31. В неустановленное время заявитель дал новые письменные показания в присутствии того же государственного адвоката, на этот раз на заранее распечатанном бланке с надписью «подозреваемый/обвиняемый». На бланке указывалось, что заявителю сообщили о деяниях, в которых он обвиняется, и об их юридической квалификации, а также о его процессуальных правах. Соответственно, был составлен протокол, который подписали прокурор, заявитель и государственный адвокат.

32. Впоследствии прокурор провел несколько очных ставок с участием подозреваемых, обвиняемых и свидетелей.

33. В 22 часа прокурор в постановлении решил предъявить нескольким сотрудникам полиции, в том числе заявителю, обвинения в получении взяток, соучастии в хищении имущества при отягчающих обстоятельствах и преступном сговоре.

34. В то же время прокурор в постановлении решил избрать в отношении заявителя меру пресечения в виде временного содержания под стражей. В неустановленное время был выдан и вручен заявителю ордер на предварительное содержание под стражей. В ночь с 16 на 17 июля 2003 г. заявителя перевезли в тюрьму Рахова.

35. Власти государства-ответчика отметили, что журнал регистрации посетителей здания НАП за 2003 год был уничтожен задолго до коммуницирования жалобы по настоящему делу 19 февраля 2009 г., так как согласно действующему законодательству Румынии срок хранения таких журналов составляет от трех до пяти лет.

В. Освобождение заявителя из-под стражи

36. 17 июля 2003 г. на основании подпунктов «с», «d» и «h» пункта 1 статьи 148 УПК Румынии НАП попросило Военный суд г. Бухареста продлить срок содержания под стражей заявителя и еще тринадцати обвиняемых по его делу на 27 дней начиная с 19 июля 2003 г.

37. В 10 часов 18 июля 2003 г. заявителя доставили в суд. Он утверждал, что его адвокат получил возможность знакомиться с материалами дела только тогда, когда сторона обвинения заявляла ходатайство о продлении срока содержания под стражей. Военный суд распорядился передать дело в Военный

апелляционный суд, которому оно было подсудно в связи с воинским званием одного из обвиняемых.

38. Решением, вынесенным в тот же день в закрытом заседании, Военный апелляционный суд в составе одного судьи удовлетворил ходатайство стороны обвинения и продлил срок содержания под стражей заявителя и остальных обвиняемых по его делу на 27 дней.

39. Рассмотрев материалы дела, Военный апелляционный суд установил наличие доказательств того, что обвиняемые совершили преступления, которые заключались в преступном сговоре, получении взяток, соучастии в хищении имущества при отягчающих обстоятельствах и подстрекательстве других лиц к даче ложных показаний. Суд счел необходимым избрать в отношении обвиняемых меру пресечения в виде содержания под стражей по основаниям общественного порядка, отметив, что они могут повлиять на свидетелей и пытались уклониться от уголовного преследования и исполнения наказания. Наконец, суд отметил, что нужно также принимать во внимание сложность дела, большое количество обвиняемых и сложности, связанные с получением доказательств.

40. В тот же день в отношении заявителя был выдан ордер на содержание под стражей, идентичный ордеру от 16 июля 2003 г.

41. Заявитель и остальные обвиняемые обжаловали это постановление, утверждая, что состав вынесшего его суда не отвечал требованиям закона. Сторона обвинения также заявила, что суд заседал в неправильном составе.

42. Окончательным постановлением от 21 июля 2003 г. Верховный суд Румынии удовлетворил жалобу, отменил постановление и распорядился освободить заявителя и остальных обвиняемых из-под стражи. Он отметил, что в целях обеспечения большей прозрачности в борьбе с коррупцией Законом от 21 апреля 2003 г. № 161, который вступил в силу немедленно, были внесены изменения в процессуальные положения Закона № 78/2000 «О предотвращении, выявлении и судебном преследовании преступлений коррупционной направленности» (далее – Закон № 78/2000). Так, пункты 1 и 2 статьи 29 Закона № 78/2000 предусматривали, что суд, рассматривающий по первой инстанции дела о преступлениях, о которых говорится в этом законе, должен состоять из двух судей.

43. Заявителю не сообщили о мотивах, по которым было вынесено это постановление.

44. В тот же день заявитель был освобожден из-под стражи.

С. Ходатайство Генерального прокурора Румынии об отмене решения об освобождении обвиняемых из-под стражи

45. В неустановленную дату Генеральный прокурор Румынии обратился в Верховный суд Румынии

с ходатайством об отмене окончательного постановления от 21 июля 2003 г. Он утверждал, что Верховный суд Румынии допустил серьезные ошибки в вопросах права при толковании румынского законодательства и что это привело к вынесению неудовлетворительного разрешению дела.

46. Заявитель утверждал, что он узнал о существовании ходатайства об отмене постановления и о том, что его рассмотрение назначено на 25 июля 2003 г., только 24 июля 2003 г. из средств массовой информации.

47. В 9 часов 30 минут 25 июля 2003 г. заявитель явился в судебное заседание в сопровождении двух адвокатов, которые попросили перенести заседание на основании того, что заявителю не сообщили ни о мотивах вынесения постановления от 21 июля 2003 г., ни о ходатайстве об отмене этого постановления. Верховный суд Румынии удовлетворил эту просьбу и, сославшись на срочный характер дела, объявил перерыв до 12 часов 30 минут.

48. После перерыва заявитель отметил, что окончательное постановление от 21 июля 2003 г. можно было оспорить только путем подачи жалобы в интересах права, а не ходатайства об отмене этого решения и что для содержания его под стражей не было убедительных оснований.

49. Окончательным постановлением от 25 июля 2003 г. Верховный суд Румынии в составе девяти судей удовлетворил ходатайство, отменил постановление от 21 июля 2003 г. и отклонил жалобу заявителя по существу на основании того, что в вышеупомянутом постановлении пункты 1 и 2 статьи 29 Закона № 78/2000 были истолкованы неправильно. Он отметил, что применение поправок, внесенных в Закон № 78/2000 и в УПК Румынии, заставляет прийти к выводу, что законодатель намеревался обеспечить единообразный правовой режим содержания под стражей, при котором избрание этой меры пресечения производилось бы судом в составе одного судьи в закрытом заседании независимо от характера преступления.

50. Приняв во внимание материалы дела, содержащие достаточно сведений для того, чтобы предположить, что каждый из подследственных мог совершить вменяющиеся ему преступления, Верховный суд Румынии также счел содержание их под стражей обоснованным.

51. 25 июля 2003 г. заявитель был заключен под стражу.

52. Промежуточным постановлением от 29 июня 2004 г., которое было оставлено без изменения Военным апелляционным судом 2 июля 2004 г., территориальный военный суд распорядился освободить заявителя из-под стражи и вместо содержания под стражей вынес приказ, запрещающий ему покидать пределы страны.

53. Приговором от 22 июля 2010 г. Апелляционный суд г. Бухареста назначил заявителю наказание в виде трех лет лишения свободы

условно за получение взяток (пункт 2 статьи 254 Уголовного кодекса Румынии во взаимосвязи со статьей 7 Закона № 78/2000) и укрывательство преступника (статья 264 Уголовного кодекса Румынии). Тем же приговором суд назначил наказание М.Т. и G.S., показания которых представил заявитель: М.Т. – в виде двух лет лишения свободы за получение взяток и участие в преступном сговоре, а G.S. – в виде пяти лет лишения свободы за получение взяток и укрывательство преступника.

D. Представленные заявителем письменные показания

54. 8 марта 2011 г. заявитель по запросу Европейского Суда представил показания двух своих коллег из полиции, М.Т. и G.S., которые тоже находились в здании НАП 16 июля 2003 г. Их показания были получены адвокатом заявителя 3 марта 2011 г.

55. В показаниях М.Т. сообщалось:

«Около 21 часа 30 минут 15 июля 2003 г. дежурный сотрудник отделения полиции № 5 сказал мне по телефону о необходимости явиться в АП в 9 часов 16 июля 2003 г., но не сообщил каких-либо дополнительных сведений. В 8 часов 45 минут 16 июля 2003 г. перед зданием НАП я встретил нескольких коллег, в том числе Сорина Крянгэ. Вскоре после этого нас пригласили зайти в здание. На входе жандарм попросил нас предъявить документы, удостоверяющие личность, чтобы занести наши данные в журнал посетителей. Меня и моих коллег отвели в зал на первом этаже здания. Вскоре после этого в зал зашел человек, представившийся военным прокурором V.D. Он дал нам листы бумаги и ручки и попросил написать, знакомы ли мы с I.D., S.B. и M.I., и если да, то при каких обстоятельствах мы с ними познакомились. Он вышел из зала, оставив нас одних.

Примерно через 40 минут прокурор V.D. вернулся в зал и собрал у нас показания. [Прочитав показания] и отметив, что некоторые [из нас] ответили на вопрос отрицательно, он стал злым и очень раздраженным и начал грозить заключить нас под стражу вместе с нашими уже задержанными коллегами. После этого он вышел из зала. В помещении ворвались четыре или пять жандармов (в масках, с автоматами и в бронежилетах). Один из жандармов в звании офицера попросил нас достать мобильные телефоны и положить их на стол рядом с другим жандармом; кроме того, нам сказали, что нам разрешается покидать зал только в сопровождении жандарма. Это продолжалось до 17 часов, когда мы попросили разрешения выйти из зала, чтобы купить себе еды и воды. Нас попросили собрать деньги, чтобы жандарм мог пойти и купить требуемые продукты.

Нам запретили общаться с семьями и с кем бы то ни было за пределами здания. До 22 часов нам разрешили отлучаться из зала в туалет только поодиночке и в сопровождении вооруженного жандарма. У нас не было ни выбранных нами самими адвокатов, ни адвокатов по назначению. Около 22 часов 30 минут – 23 часов жандарм отвел

меня и Сорина Крянгэ в кабинет на первом этаже. В кабинете находился прокурор V.D., человек, который привел нас в здание НАП, еще один мужчина и две женщины. Прокурор предложил мне и Сорину Крянгэ заявить, что начальники отделения полиции № 5 виновны в коррупции и берут взятки у воров... и заверил нас в том, что если мы сделаем такое заявление, то по отношению к нам не будет принято никаких мер. В противном случае нас арестуют. При этом мой коллега Сорин Крянгэ попросил, чтобы ему разрешили воспользоваться услугами выбранного им адвоката. Прокурор ответил, что его интересы будут представлять две присутствующие женщины, которые оказались адвокатами по назначению. Сорин Крянгэ отказался от их услуг и сказал, что он не станет давать показаний. Прокурор начал его оскорблять, назвал его деревенщиной и сказал ему, что его арестуют, даже если он не даст показаний, и что он больше никогда не увидит своей семьи, если не станет сотрудничать. После этого Сорина Крянгэ вывели из кабинета.

Примерно через 40 минут, когда меня отводили в помещение в подвале здания, я увидел Сорина Крянгэ в коридоре рядом с дверью в кабинет прокурора под охраной вооруженного жандарма. Около 2 часов 30 минут 17 июля 2003 г. Сорина Крянгэ привели в подвальное помещение. Вскоре после этого нас посадили в машину без окон и под охраной жандармов отвезли в тюрьму Рахова в г. Бухаресте.

Отмечаю, что мне не разрешали связаться со своей семьей и не давали воспользоваться услугами выбранного мною адвоката».

56. В своих показаниях S.G. подтвердил истинность показаний М.Т. и рассказал, как развивались события после 16 июля 2003 г.

E. Показания прокурора V.D., представленные властями государства-ответчика

57. 7 марта 2011 г. власти государства-ответчика по запросу Европейского Суда представили показания прокурора V.D., который отвечал за проведение расследования по делу заявителя, от 17 января 2011 г. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в этих показаниях было сказано следующее:

«Ознакомившись с «данными» материалов уголовного дела, я хочу пояснить следующее:

– На указанную выше дату [16 июля 2003 г.] письменным требованием, направленным в адрес начальника полиции 1-го округа г. Бухареста, были вызваны в статусе “*făptuitori*” [“предполагаемых виновников” или “подозреваемых” на этапе, предшествующем открытию уголовного расследования в отношении них] следующие сотрудники отделения полиции № 5: G.S., D.M., Сорин Крянгэ, M.T., C.M., C.O., L.S., S.T., D.A., M.G., S.T., C.B., N.T., C.S., G.R., L.C. и G.D.

– Указанным лицам сообщили, что их собираются допросить в качестве “*făptuitori*” (в рамках проведения предварительного следствия) в связи с причастностью к незаконному извлечению нефтепро-

дуктов из нефтепроводов. Сначала все вызванные сотрудники полиции на словах отрицали причастность к этому преступлению, но согласились дать в связи с этим показания. Поэтому им дали анкету из десяти пунктов, на вопросы которой они ответили письменно.

Получив их согласие, я в интересах эффективности расследования принял решение, что показания они будут давать одновременно в переговорном зале НАП, потому что допрос каждого из них по очереди занял бы несколько часов. Во время дачи показаний я вышел из зала, так как я являлся единственным прокурором, работавшим над делом, и должен был провести другие следственные действия в своем кабинете.

– Около 12 часов, когда все сотрудники закончили писать показания, я вернулся в зал и сообщил им об открытии уголовного расследования в отношении G.S., D.M., Сорина Крянгэ, M.T., C.M., C.O., L.S., S.T., D.A. и M.G. Я попросил этих лиц дать новые показания и принять участие в очных ставках. Я объяснил им, что они вправе воспользоваться услугами выбранных ими самими адвокатов, а тем, у кого нет адвоката, будут обеспечены адвокаты по назначению из Коллегии адвокатов г. Бухареста.

Соответственно, тем, кто хотел воспользоваться услугами выбранных ими самими адвокатов, разрешили связаться со своими адвокатами, а остальным обеспечили адвокатов по назначению из Коллегии адвокатов г. Бухареста. Первые адвокаты приехали в штаб антикоррупционной прокуратуры через час после того, как с ними связались. Им разрешили встретиться с их подзащитными в коридорах здания до начала допросов и очных ставок.

Сотрудники полиции, в отношении которых не было открыто уголовное расследование, смогли покинуть НАП и вернуться на рабочее место.

Помимо упомянутых выше *“făptuitori”* в прокуратуру на тот же день были вызваны сотрудники полиции D.M., C.M.E., I.E. и D.C.B. тоже в качестве *“făptuitori”*. К ним применялся тот же порядок, поскольку в отношении них также было открыто уголовное расследование.

– До прибытия адвокатов 14 находящихся под следствием сотрудников полиции (то есть до 13 часов) я завершил в своем кабинете производство других следственных действий (допросов, повторных допросов и очных ставок) с участием других лиц, в частности M.I., S.B., D.C., G.M.M. и G.A. В отношении некоторых из них уже была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

– На тот же день по тому же делу был вызван ряд свидетелей, в том числе M.P., M.V. и D.A.I.

– Около 13 или 14 часов я приступил к допросу 14 сотрудников полиции в качестве подозреваемых в присутствии их адвокатов. Каждый подозреваемый дал показания дважды (первый раз письменно на чистом листе бумаги, а второй раз – на бланке, предназначенном для подозреваемых) за подписью своих адвокатов.

Насколько я помню, ни один из 14 подозреваемых не признал своей причастности к вменяющимся им преступлениям, хотя их причастность была установлена ранее на основании собранных по делу доказательств.

Допрос 14 подозреваемых занял не менее трех-четырёх часов.

– Поскольку нужно было провести несколько очных ставок, 14 подозреваемых, интересы которых представляли выбранные ими самими адвокаты или государственные адвокаты, добровольно приняли участие не менее чем в 20 очных ставках, в ходе которых им были предъявлены выдержки из расшифровок перехваченных и записанных телефонных разговоров с их участием.

Очные ставки продолжались несколько часов, до 22 часов, когда в отношении 14 подозреваемых было открыто уголовное расследование и было вынесено постановление о заключении их под стражу.

Примечание: особый характер следствия по данному делу требовал проведения множества допросов и очных ставок в указанный день. Истину по делу можно было установить только таким путем.

Еще одной причиной, по которой все эти действия были проведены в один день, стала необходимость обеспечить конфиденциальность результатов расследования, поскольку уже были собраны весомые доказательства того, что подозреваемые и обвиняемые делились информацией о расследовании с целью скрыть истину и воспрепятствовать производству расследования по уголовному делу.

– ...насколько я помню, в 2003 году, как и сейчас, удостоверения личности людей, вызываемых в прокуратуру, не изымались на входе, так как перед каждым допросом прокурор должен установить личность каждого человека.

– ...обвиняемый Сорин Крянгэ прошел описанные выше формальные процедуры. ...Так, до 11–12 часов он, как и его коллеги, давал первоначальные показания, а прокурора в это время в зале не было; зал находился на первом этаже здания. Затем Сорин Крянгэ ждал прихода своего адвоката; после этого он принял участие в двух допросах и нескольких очных ставках (жандармы действительно присутствовали, но их задача заключалась в охране порядка, и никого персонально не охраняли; каждый мог, не под конвоем и ни у кого не отпрашиваясь, покинуть штаб прокуратуры, потому что на выходе предъявлять разрешение не требовалось).

Лично я как прокурор не помню имен двух сотрудников полиции, которые покинули штаб прокуратуры в тот период времени, ни у кого не отпрашиваясь, но я помню, что они исчезли и что их не могли найти, поэтому они были объявлены в розыск по всей стране. Через несколько дней их обнаружили и доставили в прокуратуру, где они были задержаны. Затем они предстали перед судом, который избрал в отношении них меру пресечения в виде заключения под стражу.

– ...в 2003 году не было, да и сейчас нет отдельного входа для подследственных или задержанных лиц, а также особого помещения, где такие лица могли бы ждать вызова в кабинет прокурора в связи с проведением следственных действий по уголовному делу.

– ...обвиняемый Сорин Крянгэ был вызван на 16 июля 2003 г. письмом НАП на имя начальника полиции 1-го округа г. Бухареста (копия письма прилагается к настоящему отчету). Это законный способ вручения повестки, предусмотренный УПК Румынии.

Когда Сорину Крянгэ предъявили обвинение, ему обеспечили адвоката согласно процессуальным требованиям, поскольку до открытия уголовного расследования закон не требует присутствия адвоката, а он не просил предоставить ему адвоката. Кроме того, остальные сотрудники полиции тоже не требовали адвоката при даче первоначальных показаний.

Сорин Крянгэ прямо не просил разрешить ему покинуть штаб антикоррупционной прокуратуры, так как он не обязан был этого делать, а контроль в отношении лиц, которые хотели покинуть здание, но не сообщили об этом ведущему расследованию прокурору, не осуществлялся.

Поэтому Сорину Крянгэ ни разу прямо не говорили, что он может покинуть штаб НАП, но его, как и других сотрудников полиции, попросили принять участие в следственных действиях по уголовному делу, и он ответил согласием.

... Сорину Крянгэ сообщили информацию и обеспечили ему возможность воспользоваться услугами адвоката, как того требовал закон. Он согласился принять участие в следственных действиях по уголовному делу.

До того, как Сорину Крянгэ было предъявлено обвинение, несколько других обвиняемых, в частности S.B., M.I., G.F.P., V.B.D., D.C., G.M.M., G.A.A., F.C., A.G.B., C.U., M.L., M.V., N.B., L.S. и I.D., признались в совершении вменяемых им преступлений и подтвердили преступления, совершенные Соринем Крянгэ.

– ...16 июля 2003 г. я работал над этим делом в одиночку. Мне не помогали ни другие прокуроры, ни сотрудники полиции».

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РУМЫНИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

58. В части, имеющей отношение к настоящему делу, УПК Румынии в редакции, которая действовала в период времени, относящийся к обстоятельствам данного дела, предусматривал следующее:

А. Начало уголовного судопроизводства, стороны и другие участники производства по уголовному делу

Статья 23 Обвиняемый

«Лицо, которому предъявлено обвинение, является участником производства по уголовному делу и именуется обвиняемым».

Статья 78 Свидетель

«Лицо, знающее о факте или обстоятельстве, которые могут иметь значение для установления истины по уголовному делу, может быть допрошен в качестве свидетеля».

Пункты 1 и 3 статьи 224 Предварительное следствие

«1. Следственные органы могут производить любые следственные действия.

...

3. Протокол любого следственного действия является доказательством».

Пункт 1 статьи 228 Открытие уголовного расследования

«Следственный орган, в который поступило обращение в соответствии с требованиями статьи 221, выносит постановление (*rezoluție*) об открытии уголовного расследования в случаях, когда содержание этого обращения или данные предварительного следствия не указывают на наличие оснований, препятствующих уголовному преследованию, которые предусмотрены статьей 10, за исключением основания, о котором говорится в подпункте “b”¹ этой статьи».

Статья 229 Подозреваемый (*înviniuitul*)

«Подозреваемым является лицо, в отношении которого ведется следствие по уголовному делу, до момента предъявления ему обвинения...».

Пункты 1 и 2 статьи 235 Поддержание обвинения

«1. Прокурор принимает решение о поддержании обвинения [по предложению следственного органа] после изучения материалов дела.

2. Если прокурор согласен с предложением, он выносит постановление (*ordonanță*) о поддержании обвинения».

В. Явка свидетелей, подозреваемых и обвиняемых

Статья 83

Обязанность [свидетелей] являться по вызову

«Лицо, вызванное для дачи показаний в качестве свидетеля, обязано явиться в обозначенное место в дату и время, указанные в повестке. Он или она должны сообщить всё, что им известно об обстоятельствах дела».

Подпункт «b» пункта 1 статьи 176 Содержание повестки

«1. Повестка... содержит следующие сведения:

...

(b) имя и фамилию вызываемого лица, указание на то, в каком качестве это лицо вызывают и по какому поводу».

Статья 183 Приказ о явке

«Лицо, которое было вызван повесткой и не явилось, чьи показания считаются необходимыми, может быть доставлено в следственные органы или в суд на основании приказа о явке, принятого в соответствии с положениям статьи 176 УПК.

В отношении подозреваемого или обвиняемого может быть выдан приказ о явке даже до направления повестки, если следственный орган или суд вынесет обоснованное решение, в котором сочтет такую меру необходимой.

[Абзац, добавленный Законом № 281/2003, который вступил в силу 1 января 2004 г.] Лицо, явившееся согласно приказу о явке, о котором говорится в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, должно находиться в распоряжении судебных органов лишь в течение времени, необходимого для того, чтобы его допросить, за исключением случаев, когда в отношении него вынесено постановление о задержании или заключении под стражу».

С. Задержание и заключение под стражу

Пункты 1, 3, 5 и 8 статьи 136

Цель и виды мер пресечения

«1. В случаях, когда речь идет о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или лишения свободы на определенный срок, для обеспечения надлежащего хода расследования по уголовному делу и недопущения того, чтобы подозреваемый или обвиняемый избежал следствия, суда или исполнения наказания, допускается избрание одной из следующих мер пресечения:

- (a) задержание;
- (b) запрет выезжать за пределы округа;
- (c) запрет выезжать за пределы страны;
- (d) заключение под стражу.

...

3. Мера, предусмотренная подпунктом “а” пункта 1 настоящей статьи, может быть избрана следственным органом или прокурором.

...

5. Мера, предусмотренная подпунктом “d” пункта 1 настоящей статьи, может быть избрана судом или в предусмотренных законом случаях и на временной основе, прокурором в рамках расследования по уголовному делу.

...

8. При выборе избираемой меры пресечения соответствующие органы принимают во внимание ее цель, степень общественной опасности преступления, состояние здоровья, возраст и прежние судимости подсудимого, а также иные обстоятельства, имеющие отношение к данному вопросу».

Статья 137

Содержание постановления об избрании меры пресечения

«В постановлении об избрании меры пресечения должны перечисляться факты, на которых основаны обвинения, их юридическая основа, наказание, предусмотренное законом, который устанавливает ответственность за совершение соответствующего преступления, а также конкретные основания для избрания меры пресечения».

Пункт 1 статьи 137¹

Уведомление об основаниях для избрания мер пресечения и об имеющихся подозрениях

«Лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде задержания или заключения под стражу, незамедлительно извещается об основаниях для избрания такой меры пресечения. Этому лицу следует при первой же возможности в присутствии адвоката сообщить об имеющихся против него подозрениях».

Статья 143

Задержание

«1. Следственный орган может задержать лицо, если имеются разумные признаки или доказательства, указывающие на то, что он совершил уголовно наказуемое деяние.

2. Задержание должна применяться в случаях, о которых говорится в статье 148, вне зависимости от срока наказания, предусмотренного за предполагаемое преступление.

3. Разумные доказательства присутствуют, когда с учетом имеющейся по конкретному делу информации подследственного можно подозревать в совершении вменяющегося ему преступления».

Статья 144

Срок задержания

«1. Задержание может продолжаться не более двадцати четырех часов. Срок, в течение которого человек был лишен свободы в результате применения к нему административной меры по доставлению в отделение полиции, следует вычитать из срока задержания, как предусмотрено Законом № 218/2002 “Об организации и функционировании полиции Румынии”.

2. В постановлении о задержании должны указываться дата и время начала задержания, а в постановлении об освобождении должны указываться дата и время окончания задержания.

3. Если следственный орган считает необходимым заключить лицо под стражу, он обращается к прокурору с обоснованным ходатайством в течение первых десяти часов задержания... Если прокурор считает, что требования закона были соблюдены, он выносит постановление об избрании меры пресечения в виде предварительного содержания под стражей в срок, указанный в пункте 1 статьи 146.

4. Если прокурор избрал в отношении подозреваемого меру пресечения в виде временного задержания и считает необходимым предварительное содержание его под стражей, он должен вынести соответствующее постановление в течение десяти часов с момента начала задержания согласно статье 146».

Пункты 1, 2, 3 и 11 статьи 146

Содержание подозреваемого под стражей в ходе следствия по уголовному делу

«1. Если требования статьи 143 соблюдены, доказано существование одной из ситуаций, предусмотренных статьей 148, и когда это считается необходимым для целей расследования по уголовному делу, прокурор по собственной инициативе или по ходатайству следственного органа может

вынести мотивированное постановление, указав основания для избрания такой меры пресечения и ее продолжительность, и после допроса подозреваемого в присутствии его адвоката избрать в отношении него меру пресечения в виде временного содержания под стражей на срок не более трех дней.

2. Прокурор также выносит ордер на временное содержание подозреваемого под стражей. ...

3. Если подозреваемый уже был задержан, отчет трехдневного срока начинается с даты выдачи ордера на задержание.

4. В течение двадцати четырех часов с момента выдачи ордера на временное содержание под стражей прокурор передает материалы дела в суд... с обоснованным предложением по поводу содержания под стражей.

...

11. Если условия, указанные в пункте 1 настоящей статьи, соблюдены, суд должен до окончания срока содержания под стражей согласно постановлению прокурора вынести промежуточное постановление о заключении подозреваемого под стражу с указанием конкретных оснований для избрания этой меры пресечения и ее продолжительности, которая не может превышать десяти дней».

Пункт 1 статьи 148

Условия и ситуации, при которых допускается содержание обвиняемого под стражей

«1. Обвиняемому может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу при соблюдении условий, предусмотренных статьей 143, в одном из следующих случаев:

...

(d) существуют достаточные доказательства того, что обвиняемый пытался воспрепятствовать установлению истины путем оказания давления на свидетеля или эксперта, уничтожения или фальсификации доказательств или совершения иных аналогичных действий;

(е) обвиняемый совершил еще одно преступление или существуют достаточные доказательства опасаться того, что он совершит еще одно преступление;

...

(h) обвиняемый совершил преступление, за которое закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок более четырех лет, при наличии убедительных доказательств того, что оставление его на свободе будет представлять угрозу общественному порядку».

Пункт 1 статьи 149

Срок содержания обвиняемого под стражей

«Срок содержания обвиняемого под стражей не может превышать тридцати дней, если он не продлен в установленном законом порядке...».

Пункт 1 статьи 149¹

Содержание обвиняемого под стражей в ходе следствия по уголовному делу

«1. Если требования статьи 143 соблюдены, доказано наличие одной из ситуаций, предусмотрен-

ных статьей 148, и когда это считается необходимым для целей расследования по уголовному делу, прокурор по собственной инициативе или по ходатайству следственного органа может вынести мотивированное постановление, указав основания для избрания такой меры пресечения и ее продолжительность, и после допроса обвиняемого в присутствии его адвоката избрать в отношении него меру пресечения в виде предварительного заключения под стражу на срок не более трех дней».

Пункт 1 статьи 150

Допрос обвиняемого

«Мера пресечения в виде содержания под стражей может быть избрана в отношении обвиняемого лишь после его допроса прокурором и судом, за исключением случаев, когда обвиняемый скрылся, находится за границей или уклоняется от следствия или суда...».

D. Услуги адвоката

Статья 6

Гарантия прав на защиту

«1. Подозреваемым, обвиняемым и другим участникам производства по уголовному делу гарантируются права на защиту.

2. В ходе производства по уголовному делу судебные органы обеспечивают участникам возможность полноценно осуществлять свои процессуальные права на предусмотренных законом условиях и принимают доказательства, необходимые для их защиты.

3. Судебные органы сообщают подозреваемому или обвиняемому [при первой же возможности и до их допроса – положение, введенное Законом № 281/2003, который вступил в силу с 1 января 2004 г.] о предъявленных ему обвинениях и об их юридической квалификации и предоставляют ему возможности для подготовки и осуществления своей защиты.

4. В ходе производства по уголовному делу все участники имеют право пользоваться услугами адвоката.

5. Судебные органы сообщают подозреваемому или обвиняемому, прежде чем он даст первоначальные показания, о его праве пользоваться услугами адвоката и делают об этом отметку в протоколе судебного заседания. На условиях и в случаях, предусмотренных законом, судебные органы принимают все меры для обеспечения того, что подозреваемому или обвиняемому обеспечивается юридическая помощь при отсутствии у него выбранного им самим адвоката».

Пункты 1, 2 и 4 статьи 171

Оказание подозреваемому или обвиняемому юридической помощи

«1. Подозреваемый или обвиняемый имеет право пользоваться услугами защитника в ходе производства по уголовному делу до того, как от суда и судебных органов потребуется сообщить ему об этом праве.

2. Юридическая помощь обязательна, если подозреваемый или обвиняемый является несовершеннолетним, проходит военную службу, является призывником или воспитанником в военном учреждении, содержится в реабилитационном центре или в медицинском или образовательном учреждении или находится под стражей, пусть даже в связи с другим делом.

...

4. Когда юридическая помощь обязательна, а подозреваемый или обвиняемый не предпринял необходимых действий по выбору своего защитника, необходимо принять меры к назначению адвоката».

Пункты 2, 4 и 8 статьи 172 Права защитника

«2. Когда юридическая помощь обязательна, следственный орган обеспечивает присутствие защитника при допросе обвиняемого.

...

4. Обвиняемый, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, вправе связаться со своим адвокатом. В исключительных случаях в интересах следствия прокурор по собственной инициативе или по ходатайству следственного органа может вынести обоснованное постановление, разово запретив контакты с адвокатом на срок не более пяти дней.

...

8. Адвокат, выбранный подозреваемым или обвиняемым, или назначенный адвокат обязан оказывать этому лицу юридическую помощь. Следственный орган или суд может обратить внимание соответствующей коллегии адвокатов на неисполнение этой обязанности для принятия мер».

Е. Ходатайство об отмене решения

Статья 409

Ходатайство об отмене решения

«Генеральный прокурор может по своей инициативе или по представлению министра юстиции обратиться в Верховный суд с ходатайством об отмене окончательного решения».

Пункт 2 статьи 410

Случаи, в которых может быть подано ходатайство об отмене решения

«Окончательные решения, за исключением тех, которые указаны в пункте 1 [в пункте 1 говорится об обвинительных и оправдательных приговорах и о решениях о прекращении производства по уголовному делу] могут быть обжалованы путем подачи ходатайства об их отмене лишь в том случае, если они противоречат закону».

59. Статьи УПК Румынии, касающиеся ходатайств об отмене решений, были отменены Законом от 14 декабря 2004 г. № 576, опубликованным в Официальном вестнике Румынии от 20 декабря 2004 г. и вступившим в силу 23 декабря 2004 г.

60. При проведении предварительного расследования (*acte premergătoare*) следственный орган не обязан обеспечивать подследственно, который на данном этапе находится в статусе «*făptuitor*», адвокат в связи с мерами, принятыми в этот период времени. Такое обязательство возникает только после открытия уголовного судопроизводства, когда подследственный приобретает статус подозреваемого или обвиняемого (постановление Коллегии по уголовным делам Верховного кассационного суда Румынии от 14 апреля 2005 г. № 2501 и постановление Коллегии по уголовным делам Верховного кассационного суда Румынии от 7 июня 2006 г. № 3637). На этапе предварительного расследования государственные органы не вправе производить следственные действия и могут принимать только те меры, которые не требуют вынесения юридически значимых решений в строгом смысле этого слова (постановление Коллегии по уголовным делам Верховного кассационного суда Румынии от 26 сентября 2006 г. № 5532). Если на этом этапе будут собраны какие-либо доказательства, например свидетельские показания, протокол допроса обвиняемого или заключение назначенной судом экспертизы, производство по делу станет ничтожным (постановление Коллегии по уголовным делам Верховного кассационного суда Румынии № 806/2006).

Конституционный суд Румынии несколько раз подтверждал, что следственный орган не обязан оказывать юридическую помощь, когда те или иные действия производятся на стадии предварительного расследования, на основании того, что на этом этапе невозможно получить доказательства, которые можно будет использовать на последующих этапах производства по уголовному делу (постановления №№ 141/1999, 210/2000 и 582/2005). С другой стороны, он не стал комментировать практику, когда государственные органы производят следственные действия в ходе предварительного расследования, сочтя, что здесь идет речь не о конституционности, а о применении уголовно-правовых норм (постановление № 113/2006).

ПРАВО

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

61. В своей письменной позиции по делу, направленной в Большую Палату Европейского Суда, а также в ходе слушаний 30 марта 2011 г. власти государства-ответчика впервые при рассмотрении настоящего дела выдвинули возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в связи с жалобой на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции из-за лишения заявителя свободы до 22 часов 16 июля 2003 г. Они утверждали, что заявитель не обжаловал, по край-

ней мере, по существу это лишение свободы ни в показаниях, которые он дал в тот день, ни в показаниях, которые он давал впоследствии в прокуратуре и в судах Румынии.

62. Европейский Суд отмечает, что предварительное возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в принципе следует выдвигать до рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумареску против Румынии» (*Brumărescu v. Romania*), жалоба № 28342/95, §§ 52 и 53, ECHR 1999-VII; а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (*Hasan and Chaush v. Bulgaria*), жалоба № 30985/96, §§ 53 и 54, ECHR 2000-XI). Однако, поскольку власти государства-ответчика впервые выдвинули это возражение 10 февраля 2011 г., после того, как 15 июня 2010 г. жалоба была признана приемлемой для рассмотрения по существу, они не могут заявлять это возражение на данной стадии рассмотрения дела. Следовательно, упомянутое возражение должно быть отклонено.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЛИШЕНИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ СВОБОДЫ С 9 ДО 22 ЧАСОВ 16 ИЮЛЯ 2003 г.

63. Заявитель жаловался в Европейский Суд на отсутствие правовых оснований для его задержания 16 июля 2003 г. При этом он ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, который в части, имеющей отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно представило перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...»

А. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

64. В Постановлении по настоящему делу от 15 июня 2010 г. Палата Европейского Суда, отме-

тив особую уязвимость лиц, находящихся под безраздельным контролем представителей государства, отметила, что конвенционное судопроизводство не обязательно во всех случаях предполагает строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio*.

65. На основании доказательств, представленных сторонами на момент рассмотрения дела Палатой Европейского Суда, Палата Суда отметила, что заявитель явился в штаб НАП 16 июля 2003 г. и дал показания около 10 часов в первый раз и около 20 часов во второй раз. Палата Суда обратила внимание на то, что в первоначальных показаниях не упоминается, был ли заявитель допрошен в качестве подследственного, но, когда он давал показания во второй раз, ему сообщили, что он подозревается в совершении различных преступлений. Кроме того, Палата Суда констатировала, что власти государства-ответчика не сообщили существенной информации о своей позиции по вопросу о статусе заявителя в течение дня 16 июля 2003 г. Они не представили документов, позволяющих Палате Суда установить, покидал ли заявитель штаб антикоррупционной прокуратуры, например сведений из журнала регистрации посетителей НАП, и не указали на какие-либо меры, принятые властями для того, чтобы уведомить заявителя о его праве покинуть здание. Далее Палата Суда отметила, что в течение того же дня прокуратура открыла в отношении заявителя уголовное судопроизводство и что вечером в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Последовательность событий в течение дня, какой она представляется по материалам дела (допрос, открытие расследования, второй допрос в качестве обвиняемого, заключение под стражу), привела Палату Суда к выводу о том, что заявитель оставался в штабе прокуратуры весь день и не имел возможности покинуть здание. С учетом всего вышеизложенного Палата Суда установила, что заявитель был лишен свободы с 10 до 22 часов 16 июля 2003 г.

66. Обратившись к вопросу о том, соответствовало ли лишение свободы требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции или нет, Палата Европейского Суда отметила, что в период времени, относящийся к обстоятельствам данного дела, румынское законодательство предусматривало две временные меры пресечения, связанные с лишением свободы: задержание на срок не более 24 часов и заключение под стражу. В настоящем деле ордер на задержание заявителя не выносился. Кроме того, Палата Суда отметила, что в постановлении от 16 июля 2003 г. прокурор избрал в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу на три дня. Однако несмотря на срок, конкретно указанный в этом постановлении (с 22 часов 16 июля 2003 г. до 22 часов 18 июля 2003 г.), на самом деле содержание заявителя под стражей продолжалось толь-

ко два дня. В связи с этим Палата Суда констатировала, что, хотя ордер на заключение под стражу был выдан на основании постановления прокурора согласно румынскому законодательству, он мог охватывать только тот период времени, который был указан в постановлении. В настоящем деле, хотя в ордере и не указывалось время начала применения меры пресечения, он не мог служить юридическим основанием для содержания под стражей в предшествующий период времени, не указанный в постановлении.

67. Поэтому Палата Европейского Суда пришла к выводу, что лишение заявителя свободы с 10 до 22 часов 16 июля 2003 г. не имело оснований в румынском законодательстве, и, соответственно, установила, что в связи с этим по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В. Позиции сторон

1. Доводы заявителя

68. В своих письменных замечаниях по делу, представленных в Большую Палату Европейского Суда, заявитель утверждал, что после того, как в 9 часов он вошел в здание НАП, он дал первоначальные письменные показания, которые были переданы прокурору, около 9 часов 40 минут. Он оставался в зале под охраной вооруженных жандармов с 9 часов 40 минут до 23 часов, и выйти из зала ему не разрешали. Более того, у него не было возможности связаться со своей семьей и со своим адвокатом, так как его попросили оставить мобильный телефон на столе под охраной жандарма. Ему можно было отлучиться в туалет или пойти выкурить сигарету, но только в сопровождении жандарма. Наконец, как он утверждал, ему угрожали тем, что его заключат под стражу и он больше не увидит своей семьи. Ему сообщили о выдаче ордера на заключение под стражу только между 1 часом 15 минутами и 1 часом 30 минутами 17 июля 2003 г.

Наконец, заявитель утверждал, что власти государства-ответчика не привели доказательств уничтожения журнала регистрации посетителей НАП.

2. Доводы властей государства-ответчика

69. Власти государства-ответчика утверждали, что вывод Палаты Европейского Суда о лишении заявителя свободы в штабе НАП с 22 часов 16 июля 2003 г. не соответствует обстоятельствам дела. Они отметили противоречие в версии заявителя. В своей жалобе заявитель указал, что его начальник сообщил ему о необходимости явиться в НАП утром 16 июля 2003 г., когда заявитель был на работе. Однако в своих письменных замечаниях по делу, представленных в Большую Палату Суда, он утверждал, что он получил эту информацию от коллеги около 17 часов 15 июля 2003 г., когда он был

в отпуске. Власти государства-ответчика добавили: хотя первоначально заявитель указал, что он явился в НАП около 9 часов, в упомянутых выше письменных замечаниях он указал точное время явки – 8 часов 45 минут. Вместе с тем власти государства-ответчика согласились с тем, что заявитель вошел в здание НАП в 9 часов.

70. Говоря о бремени доказывания, власти государства-ответчика отметили: для того, чтобы заявитель мог претендовать на статус жертвы согласно статье 34 Конвенции, он должен быть в состоянии представить разумные и убедительные доказательства нарушения Конвенции, которое затронуло его лично. Простых подозрений или догадок в данном случае недостаточно. Однако в своей жалобе заявитель выдвинул всего лишь путаные и туманные утверждения, не подкрепленные существенными подробностями или доказательствами. По мнению властей государства-ответчика, эти утверждения были направлены просто на то, чтобы подкрепить другие его жалобы. Кроме того, такие утверждения противоречат документам из материалов дела, а заявитель не дал этому убедительного объяснения. Далее, власти государства-ответчика утверждали, что они оспаривали данные утверждения при рассмотрении дела Палатой Суда и должным образом обратили внимание на то, что эти утверждения не заслуживают доверия и не подкрепляются документами, имеющимися в материалах дела. Они также отметили, что при рассмотрении дела Палатой Суда заявитель не представил письменных замечаний. По мнению властей государства-ответчика, эти факторы указывают на то, что заявитель не только не желает настаивать на своей жалобе, но и молчаливо от нее отказался.

71. Власти государства-ответчика утверждали, что рассуждения, посредством которых Палата Европейского Суда установила, что заявитель находился под контролем представителей государства, являлись непоследовательными, поскольку этот вопрос не отличается от вопроса о том, имело ли место лишение свободы. По их мнению, в Постановлении по настоящему делу от 15 июня 2010 г. Палата Суда допустила серьезную ошибку, перевернув бремя доказывания и установив таким образом чрезвычайно опасный, на их взгляд, прецедент – презумпцию лишения свободы государством. Власти государства-ответчика отметили, что факт лишения заявителя свободы в настоящем деле не установлен. Именно по этому вопросу и предстоит вынести решение.

72. Далее, власти государства-ответчика жаловались на то, что при рассмотрении дела Палатой Европейского Суда они обязаны были доказывать отрицательное утверждение, которое заключалось в том, что заявитель не был лишен свободы в определенный период времени. Они утверждали, что от них потребовалось доказать этот факт через семь лет после соответствующих событий на основании

информации (доказательств того, покидал ли заявитель штаб прокуратуры и приняли ли власти меры, чтобы сообщить ему о возможности покинуть здание) и документов (журнала регистрации посетителей НАП), которые ранее Судом не запрашивались.

73. Наконец, власти государства-ответчика утверждали, что исключение из принципа *affirmanti incumbit probatio* допускается только при наличии согласующихся между собой умозаключений, подтверждающих утверждения заявителя, или достаточно серьезных, ясных, согласующихся между собой и никем не опровергнутых предположений об обстоятельствах дела. В данном случае они отсутствуют. Следовательно, в деле нет исключительных обстоятельств или оснований, которые могли бы привести к применению исключения из принципа возложения бремени доказывания на заявителя.

74. Власти государства-ответчика указали на невозможность точно установить, что произошло 16 июля 2003 г., так как с тех пор прошло семь лет. Они подтвердили, что в 2003 году велся журнал регистрации посетителей НАП, но заявили, что представить его в Европейский Суд невозможно, так как он был уничтожен задолго до коммуницирования жалобы по настоящему делу 19 февраля 2009 г. Согласно действующему законодательству Румынии срок хранения такого рода журналов составляет от трех до пяти лет. Далее, власти государства-ответчика отметили, что руководство НАП не издавало каких-либо конкретных внутренних инструкций по вопросам допуска на территорию и перемещения по зданию НАП. Эти вопросы регулируются правилами, общими для всех государственных учреждений. Власти государства-ответчика заявляли, что ни в 2003 году, ни сейчас там нет отдельного входа или особого помещения для содержания задержанных или заключенных под стражу лиц.

75. По мнению властей государства-ответчика, заявитель, как и все лица, вызванные в прокуратуру на 16 июля 2003 г., добровольно ждал в здании НАП, чтобы выяснить свой правовой статус. Действительно, он не возражал против того, чтобы его допросили в ходе предварительного следствия, ответив на вопросы анкеты по прибытии в НАП, и не просил предоставить ему адвоката. Около 12 часов, когда было возбуждено уголовное дело, он остался в здании НАП по просьбе прокурора, который предложил ему дать дополнительные показания и принять участие в очных ставках.

76. По мнению государства-ответчика, заявитель не обязан был оставаться в прокуратуре и мог покинуть НАП в любое время. В самом деле, ничто не указывает на то, что он действительно находился там до 22 часов или что его удерживали там помимо его воли; кроме того, в тот день из здания НАП ушли два сотрудника полиции. К тому же его ни разу не помещали под охрану или под наблюдение. Жандармы в здании НАП находились только для охраны порядка.

77. Кроме того, власти государства-ответчика утверждали, что расследование уголовных дел вообще и обстоятельства настоящего дела, в частности, требовали вызова большого количества подследственных и свидетелей и проведения множества допросов и очных ставок с их участием за один день. По мнению властей государства-ответчика, требовалось также обеспечить конфиденциальность информации, полученной в ходе следствия, чтобы избежать нарушений нормального хода расследования. Наконец, 16 июля 2003 г. следствие производилось одним прокурором, чтобы обеспечить единообразный подход к его проведению.

78. Власти государства-ответчика подчеркнули, что заявитель ни разу не просил разрешить ему уйти из НАП. В материалах дела нет документов, которые фиксировали бы такую просьбу или отказ органов власти. Далее, они утверждали, что заявителю не сообщили о возможности покинуть здание НАП, так как это было очевидно и любое такое указание являлось бы нелогичным. У прокурора нет юридической обязанности сообщать человеку о том, что он может покинуть помещение прокуратуры, если в отношении него не было избрано меры пресечения, связанной с лишением свободы.

79. Власти государства-ответчика также утверждали, что заявитель не жаловался на лишение свободы ни прокурору, ни впоследствии при обжаловании заключения под стражу, ни в судах, когда те рассматривали по существу предъявленные ему обвинения, несмотря на то, что на всех этапах производства по уголовному делу его интересы представляли адвокаты.

80. Говоря о представленных заявителем письменных показаниях, власти государства-ответчика подчеркнули, что речь идет о заверенных адвокатом заявителя внесудебных заявлениях для целей дела (*declarații pro causa*), сделанных двумя лицами, признанными судом первой инстанции виновными по тому же делу, по которому проходил заявитель. Кроме того, они отметили, что в своих показаниях свидетель М.Т. использовал выражения, напоминающие те, которые использовал заявитель.

81. По вопросу о правовом статусе лиц, вызываемых в прокуратуру для дачи показаний в разном качестве для целей расследования по уголовному делу, власти государства-ответчика констатировали, что по вопросу о процессуальных гарантиях подследственным до начала уголовного расследования невозможно установить европейских или международных стандартов. В отсутствие консенсуса между государствами Европейский Суд не может вводить руководящие принципы. Соответственно, государствам следует предоставлять широкую свободу усмотрения при выборе правил, применяющихся на данной стадии производства по делу, в соответствии с их собственным уголовным регулированием. Далее, власти государства-ответчика утверждали, что в уголовном законодательстве не

следует давать подробное описание таких правил, так как следственным органам необходимо обеспечивать эффективные средства установления истины. Они подчеркивали, что подробные правила, предусматривающие различные гарантии для лиц, вызванных в прокуратуру, до открытия в отношении них уголовного судопроизводства, могут затруднить деятельность следственных органов и, вполне вероятно, лишат производство по уголовному делу всякой цели. Румынское законодательство предусматривает процессуальные гарантии для участников производства по уголовному делу, в частности после того, как оно будет начато. В настоящем деле в рамках предварительного следствия заявителю сообщили о цели расследования и предложили ему дать в связи с этим показания. Когда в отношении него было открыто уголовное расследование, он смог полноценно пользоваться своими правами. Ему должным образом сообщили о характере производства по делу и во время дачи показаний дали ему возможность воспользоваться услугами выбранного им самим адвоката. Власти государства-ответчика не согласны с утверждениями заявителя о том, что прокурор допускал в отношении него угрозы и оскорбления. По их мнению, эти утверждения являются голословными и впервые были выдвинуты через семь лет после событий, о которых идет речь в деле.

82. Наконец, власти государства-ответчика отметили, что содержание заявителя под стражей продолжалось с 22 часов 16 июля 2003 г. до 22 часов 18 июля 2003 г. В постановлении об избрании в отношении заявителя меры пресечения указывалось, что срок предварительного содержания его под стражей составляет три дня. Это объясняется применением статьи 188 УПК Румынии, согласно которой срок содержания под стражей рассчитывается в целых днях. Это отвечает интересам участников, так как из срока наказания в виде лишения свободы, которое впоследствии может быть назначено судом, вычитается целое количество дней.

83. С учетом сказанного выше власти государства-ответчика пришли к выводу, что заявитель не был лишен свободы с 9 до 22 часов 16 июля 2003 г.

С. Мнение Европейского Суда

1. Общие принципы

84. Европейский Суд напоминает, что статья 5 Конвенции закрепляет одно из важнейших прав человека – право на защиту от произвольного вмешательства государства в осуществление им права на свободу. Провозглашая «право на свободу», пункт 1 статьи 5 Конвенции имеет в виду физическую свободу человека. Его целью является обеспечить, что никто не будет лишен этой свободы произвольно. В данной статье Конвенции речь не идет просто об ограничении свободы передвиже-

ния: такие ограничения регулируются статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции. Кроме того, Суд отмечает: из пункта 1 статьи 5 Конвенции ясно следует, что предусмотренные им гарантии относятся к «каждому». В подпунктах «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции содержится исчерпывающий перечень допустимых оснований лишения человека свободы, и, если лишение свободы не охватывается одним из этих оснований, оно не будет законным. Когда встает вопрос о «законности» содержания под стражей, в том числе вопрос о том, был ли соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция ссылается главным образом на законодательство государства-ответчика и предусматривает обязанность соблюдать его материально-правовые и процессуальные нормы. Однако соблюдения законодательства государства-ответчика недостаточно: пункт 1 статьи 5 Конвенции, помимо этого, требует, чтобы лишение свободы соответствовало цели защиты человека от произвола. В силу основополагающего принципа произвольное заключение под стражу не может быть совместимо с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, а понятие «произвол» в пункте 1 статьи 5 Конвенции выходит за рамки соблюдения требований законодательства государства-ответчика. Так, лишение свободы может быть законным с точки зрения законодательства государства-ответчика, но всё-таки являться произвольным, а значит, нарушать Конвенцию (см., в числе прочих постановлений, Постановление Европейского Суда по делу «Гудзарди против Италии» (*Guzzardi v. Italy*) от 6 ноября 1980 г., § 92, серия «А», № 39, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. United Kingdom*) от 19 февраля 2009 г., жалоба № 3455/05¹, §§ 162–164).

2. Применение этих принципов в настоящем деле

(а) Период времени, который следует принимать во внимание

85. Во-первых, Европейский Суд считает необходимым установить период времени, который следует принимать во внимание. В связи с этим нужно рассмотреть два отдельных вопроса: начало и конец этого периода.

86. Говоря о начале указанного периода времени, нужно отметить, что, как установила Палата Европейского Суда, заявитель был лишен свободы без всяких правовых оснований с 10 часов, когда он был допрошен прокурором (см. пункт 43 Постановления Палаты Суда по настоящему делу). Суд отмечает, однако, что, хотя стороны и расходятся во мнениях относительно последовательности

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2020. № 5 (примеч. редактора).

событий, они согласны в том, что заявитель вошел в здание прокуратуры в 9 часов, чтобы дать показания для целей расследования по уголовному делу.

Поэтому Европейский Суд полагает, что период времени, который следует принимать во внимание, начался в 9 часов 16 июля 2003 г.

87. Говоря о конце этого периода времени, Европейский Суд отмечает, что, как говорилось в постановлении об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу от 16 июля 2003 г., эта мера начала применяться с 22 часов. Суд считает, что момент уведомления заявителя об ордере на содержание под стражей, выданном на основании этого постановления (между 1 часом 15 минутами и 1 часом 30 минутами 17 июля 2003 г., по версии заявителя), не имеет значения с точки зрения законности содержания его под стражей после 22 часов.

Таким образом, Европейский Суд полагает, что период времени, который следует принимать во внимание, закончился в 22 часа 16 июля 2003 г.

(b) Бремя доказывания в связи с предполагаемым лишением свободы

88. Европейский Суд напоминает, что при оценке доказательств по делу он применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения». Однако Суд никогда не задавался целью заимствовать этот подход из правовых систем государств, которые его используют. Суд призван разрешать вопрос не об уголовной или гражданской ответственности, а об ответственности государств-участников согласно положениям Конвенции. Подход Суда к вопросам доказательств и доказывания обусловлен спецификой его задачи согласно статье 19 Конвенции: обеспечивать соблюдение государствами-участниками их обязательства по гарантированию закрепленных в Конвенции основных прав. При рассмотрении дел в Европейском Суде не существует ни процессуальных барьеров допустимости доказательств, ни заранее установленных критериев их оценки. Суд делает выводы, которые, на его взгляд, подкрепляются свободной оценкой всех доказательств, в том числе умозаключения, которые могут вытекать из обстоятельств дела и представлений сторон. В соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Суда доказательства могут являться следствием одновременного существования достаточно серьезных, ясных и согласующихся между собой умозаключений либо аналогичных никем не опровергнутых предположений об обстоятельствах дела. Кроме того, степень убедительности доказательств, необходимая для того, чтобы прийти к тому или иному выводу, и в связи с этим распределение бремени доказывания по своей сути связаны с особенностями обстоятельств дела, характером выдвинутого утверждения и конвенционным правом, о котором идет речь в деле. Суд

также не упускает из виду серьезность вывода о том, что государство-участник допустило нарушение основных прав (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ECHR 2005-VII).

89. Далее, Европейский Суд согласен с тезисом Палаты Суда о том, что конвенционное производство не обязательно во всех случаях предполагает строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio*. Суд напоминает о своей практике по статьям 2 и 3 Конвенции, согласно которой, когда события, о которых идет речь в деле, относятся к исключительному ведению властей, как в случае с лицами, заключенными под стражу и находящимися под их контролем, возникают серьезные предположения о том, при каких обстоятельствах они получили телесные повреждения или погибли во время содержания под стражей. Можно считать, что в таких случаях бремя доказывания лежит на властях государства-ответчика, которые обязаны представить удовлетворительное и убедительное объяснение произошедшего (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакыджи против Турции» (*Çakıcı v. Turkey*), жалоба № 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV; а также Постановление Европейского Суда по делу «Рупа против Румынии» (№ 1)» (*Rupa v. Romania* (№ 1)) от 16 декабря 2008 г., жалоба № 58478/00, § 97). Суд уже приходил к выводу, что эти соображения применимы и к исчезновениям людей, рассматриваемым с точки зрения статьи 5 Конвенции, когда в отсутствие доказательств того, что человек был лишен свободы властями, можно, тем не менее, установить, что государственные органы направили ему официальную повестку, он явился в место, находящееся под их контролем, и с тех пор его никто не видел. В этих обстоятельствах бремя доказывания лежит на властях государства-ответчика, которые должны дать правдоподобное и удовлетворительное объяснение тому, что произошло в этом месте, и показать, что человек, о котором идет речь, не был задержан органами власти, а покинул это место, не будучи впоследствии лишен свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Таныш и другие против Турции» (*Taniş and Others v. Turkey*), жалоба № 65899/01, § 160, ECHR 2005-VIII, а также Постановление Европейского Суда по делу «Юсупова и Заурбеков против Российской Федерации» (*Yusupova and Zaurbekov v. Russia*) от 9 октября 2008 г., жалоба № 22057/02¹, § 52). Далее, Суд напоминает, что, опять же в контексте жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12 (примеч. редактора).

Конвенции, он требует доказательств в виде соглашающихся между собой предположений до того, как бремя доказывания будет возложено на власти государства-ответчика (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, § 90, ECHR 2005-IV).

90. Европейский Суд полагает, что эти принципы применимы и в настоящем деле при условии, что заявитель привел согласующиеся между собой доказательства, которые *prima facie* могут указывать на его нахождение под безраздельным контролем властей в тот день, когда происходили обжалуемые по делу события, то есть на то, что государственные органы направили ему официальную повестку и он явился в место, находящееся под их контролем. Если данное условие выполнено, Суд сможет прийти к выводу, что у заявителя не было возможности покинуть это место, особенно во время проведения следственных действий. Поэтому Суд может потребовать от властей государства-ответчика представить подробный почасовой отчет о том, что произошло в указанном месте, и пояснить, что заявитель делал там всё это время. Тогда власти государства-ответчика должны будут представить удовлетворительные и убедительные письменные доказательства, подтверждающие их версию произошедшего. Если они не представят таких доказательств, можно будет сделать определенные выводы по существу утверждений заявителя.

(с) Лишение свободы

91. Европейский Суд напоминает, что для определения того, был ли человек «лишен свободы» по смыслу положений статьи 5 Конвенции, необходимо исходить из конкретного положения, в котором он находится, принимая во внимание весь спектр таких критериев, как тип, продолжительность, последствия и способ реализации соответствующих мер (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Гудзарди против Италии», § 92, а также Решение Европейского Суда по делу «Могош против Румынии» (*Mogoş v. Romania*) от 6 мая 2004 г., жалоба № 20420/02). Действительно, при определении того, было допущено нарушение конвенционных прав или нет, часто возникает необходимость не ограничиваться внешними проявлениями и использованными формулировками, а сосредоточиться на реальных особенностях ситуации (см., например, применительно к пункту 1 статьи 5 Конвенции Постановление Европейского Суда по делу «Ван Дроогенбрук против Бельгии» (*Van Droogenbroeck v. Belgium*) от 24 июня 1982 г., § 38, Series A, № 50).

92. К этому Европейский Суд добавляет, что данная государством характеристика фактических обстоятельств дела или ее отсутствие не может в решающей степени повлиять на вывод

Европейского Суда по вопросу о том, имело ли место лишение свободы.

93. Европейский Суд отмечает, что в делах, рассмотренных Европейской Комиссией, решающее значение придавалось цели нахождения людей в отделении полиции и тому, что они не просили дать им возможность уйти. Так, был сделан вывод, что дети, которые два часа провели в отделении полиции, чтобы их смогли допросить, при том что их не держали взаперти, не были лишены свободы (см. Решение Европейской Комиссии по делу «Х против Германии» (*X v. Germany*) от 19 марта 1981 г., жалоба № 8819/79)). Аналогичный вывод был сделан в отношении заявителя, которого доставили в отделение полиции по гуманитарным соображениям, в ситуации, когда он мог свободно передвигаться по зданию и не просил разрешения уйти (см. Решение Европейской Комиссии по делу «Гена против Швейцарии» (*Guenat v. Switzerland*) от 10 апреля 1995 г., жалоба № 24722/94). Аналогичным образом, Комиссия придала решающее значение тому, что заявитель ни разу не захотел покинуть зал суда, где он принимал участие в судебном заседании (см. Решение Европейской Комиссии по делу «E.G. против Австрии» (*E.G. v. Austria*) от 15 мая 1996 г., жалоба № 22715/93). С тех пор прецедентная практика изменилась, поскольку цель применяющихся властями мер, связанных с лишением заявителей свободы, по-видимому, уже не имеет определяющего значения, когда Европейский Суд решает, действительно ли имело место лишение свободы. До сих пор Суд принимал это во внимание лишь на более поздней стадии анализа, при рассмотрении вопроса о соответствии лишения свободы требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Осипенко против Украины» (*Osyenko v. Ukraine*) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 4634/04, §§ 51–65, Постановление Европейского Суда по делу «Салаев против Азербайджана» (*Salayev v. Azerbaijan*) от 9 ноября 2010 г., жалоба № 40900/05, §§ 41–42; Постановление Европейского Суда по делу «Илья Стефанов против Болгарии» (*Iliya Stefanov v. Bulgaria*) от 22 мая 2008 г., жалоба № 65755/01, § 71; а также Постановление Европейского Суда по делу «Соаре и другие против Румынии» (*Soare and Others v. Romania*) от 22 февраля 2011 г., жалоба № 24329/02¹, § 234).

Далее, Европейский Суд напоминает о своей устоявшейся практике, согласно которой пункт 1 статьи 5 Конвенции может применяться и к лишению свободы на очень небольшой срок (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фока против Турции» (*Foka v. Turkey*) от 24 июня 2008 г., жалоба № 28940/95, § 75).

¹ См.: Избранные постановления Европейского Суда. 2012. № 1 (примеч. редактора).

94. Европейский Суд отмечает: в настоящем деле не оспаривается, что заявителя вызвали в НАП и что он вошел в здание прокуратуры в 9 часов, чтобы дать показания для целей расследования по уголовному делу. Действительно, заявителя не доставили туда в принудительном порядке, но это не имеет решающего значения при решении вопроса о том, имело ли место лишение свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «I.I. против Болгарии» (I.I. v. Bulgaria) от 9 июня 2005 г., жалоба № 44082/98, § 8, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Осипенко против Украины», § 32). Тем не менее согласно изложенным выше принципам (см. пункт 89), нужно признать, что начиная с этого момента заявитель действительно находился под контролем властей. К тому же этот вывод подтверждается представленными заявителем свидетельскими показаниями (см. выше §§ 55–56). Следовательно, власти государства-ответчика должны дать объяснение тому, что произошло в здании НАП после этого.

95. Власти государства-ответчика заявляли, что они не в состоянии представить журнал регистрации посетителей НАП, так как он был уничтожен задолго до коммуницирования жалобы по настоящему делу 19 февраля 2009 г., а согласно действующему законодательству Румынии срок хранения таких журналов составляет от трех до пяти лет (см. выше пункт 35).

96. Однако власти государства-ответчика представили показания прокурора V.D., который в период времени, относящийся к обстоятельствам данного дела, отвечал за проведение расследования (см. выше § 57), хотя в своих замечаниях по делу они и не стали конкретно ссылаться на эти показания. Из показаний V.D. следует, что заявитель не просил разрешения покинуть здание НАП, но мог свободно это сделать, поскольку у каждого есть возможность уйти без прохождения каких-либо формальностей, не спрашивая согласия прокурора. В своих показаниях прокурор V.D. признал, что заявителю не сообщили о наличии у него возможности покинуть штаб НАУ, но утверждал, что заявитель остался там добровольно, чтобы принять участие в других допросах и очных ставках. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что это заявление противоречит не только показаниям заявителя, но и согласующимся между собой письменным показаниям двух свидетелей (см. выше §§ 55–56).

97. Далее, Европейский Суд отмечает, что заявитель должен был явиться в НАП не только в силу повестки, но и в силу устного распоряжения своего начальника. В связи с этим необходимо отметить, что, как признали власти государства-ответчика, начальнику полиции 1-го округа тоже сообщили о вызове в НАП нескольких сотрудников полиции на 16 июля 2003 г. для обеспечения их явки. В период

времени, относящийся к обстоятельствам данного дела, сотрудники полиции подчинялись воинской дисциплине, и им было бы крайне сложно не выполнять приказов своих начальников. На одном только этом основании нельзя сделать вывод о том, что заявитель был лишен свободы, но необходимо отметить наличие и других значимых факторов, указывающих на существование в его случае лишения свободы, по крайней мере когда ему в 12 часов устно сообщили о решении открыть в отношении него расследование: требование прокурора о том, чтобы заявитель никуда не отлучался, дал дополнительные показания и принял участие в нескольких очных ставках, открытие в отношении заявителя расследования, то, что семерым сотрудникам полиции, в отношении которых не было открыто расследование, сообщили о возможности покинуть штаб НАП, поскольку их присутствие и их участие в допросах уже не требуются, присутствие жандармов в здании НАП и необходимость пользоваться услугами адвоката.

98. С учетом хронологической последовательности событий они явно происходили в контексте масштабного расследования по уголовному делу, требующего проведения множества следственных действий и допросов, часть из которых уже состоялась в течение предыдущих дней. Это расследование было направлено на пресечение незаконной торговли нефтепродуктами с участием сотрудников полиции и жандармов. В этот процессуальный контекст попадает открытие в отношении заявителя и его коллег производства, а необходимость провести в тот же день различные следственные действия с их участием указывает на то, что заявитель действительно был обязан выполнять данные требования.

99. Поэтому Европейский Суд отмечает, что власти государства-ответчика не смогли представить документов, подтверждающих, что заявитель покинул штаб НАП, а кроме того, не доказали, что он мог добровольно уйти из прокуратуры после того, как дал первоначальные показания (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «I.I. против Болгарии» (I.I. v. Bulgaria), § 87, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Осипенко против Украины» (Osypenko v. Ukraine), § 32, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Салаев против Азербайджана» (Salayev. v. Azerbaijan), §§ 42–43).

100. В заключение, принимая во внимание, что власти государства-ответчика не представили убедительных и уместных доказательств, подкрепляющих их версию произошедшего, а также с учетом непротиворечивого и правдоподобного характера версии заявителя Европейский Суд приходит к выводу, что заявитель действительно оставался в здании Управления и был лишен свободы по крайней мере с 12 до 22 часов.

**(d) Соответствие лишения
заявителя свободы требованиям
пункта 1 статьи 5 Конвенции**

101. Теперь Европейский Суд должен определить, был ли заявитель лишен свободы «в порядке, установленном законом» по смыслу положений пункта 1 статьи 5 Конвенции. Слова «в порядке, установленном законом» в пункте 1 статьи 5 Конвенции отсылают главным образом к законодательству государства-ответчика, предусматривая обязательство соблюдать его материальные и процессуальные нормы. При обычных обстоятельствах толковать и применять положения законодательства государства-ответчика должны в первую очередь его органы власти, в частности суды, однако в случаях, когда несоблюдение этих положений приводит к нарушению Конвенции, ситуация меняется. Это относится, в частности, к случаям, когда дело касается пункта 1 статьи 5 Конвенции, и тогда Европейский Суд должен осуществлять определенные контрольные полномочия, чтобы определить, были соблюдены положения законодательства государства-ответчика или нет (см. Постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (*Baranowski v. Poland*), жалоба № 28358/95, § 50, ECHR 2000-III). В частности, в вопросах лишения свободы необходимо, чтобы в законодательстве государства-ответчика были четко определены условия заключения под стражу и чтобы закон был предсказуем в своем применении (см. Постановление Европейского Суда по делу «Зервудаки против Франции» (*Zervudacki v. France*) от 27 июля 2006 г., жалоба № 73947/01, § 43).

102. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что заявителя вызвали в НАП для дачи показаний в контексте расследования по уголовному делу и что ему не сообщили дополнительных сведений о цели этих показаний. Румынское законодательство по данному вопросу требует, чтобы в повестке указывалось, в каком качестве лицо вызывают и по какому поводу (см. статью 176 УПК Румынии выше, в § 58). Следовательно, заявитель не знал, вызывают его в качестве свидетеля, в качестве подозреваемого или даже в качестве сотрудника полиции, самого проводящего расследования. В связи с этим Суд напоминает, что ничто не мешает властям на законных основаниях пойти на хитрость, например, для более эффективной борьбы с преступностью, но когда власти пытаются завоевать доверие людей для того, чтобы их задержать, это можно считать нарушением общих принципов, прямо или косвенно закрепленных в Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чонка против Бельгии» (*Çonka v. Belgium*), жалоба № 51564, § 41, ECHR 2002-I).

103. Далее, Европейский Суд отмечает: власти государства-ответчика утверждали, что заявителя удерживали в здании прокуратуры для обеспечения

надлежащего отправления правосудия, поскольку с учетом обстоятельств дела необходимость провести допрос или очную ставку с участием других присутствовавших там лиц могла возникнуть в любой момент. В связи с этим они ссылались на показания прокурора V.D. от 17 января 2011 г., согласно которым заявителя и его коллег вызвали в прокуратуру в качестве «*făptuitori*» («предполагаемых виновников» или «подозреваемых» на этапе, предшествующем возбуждению в отношении них уголовного дела).

104. Европейский Суд обращает внимание на то, что, когда заявителя попросили дать первоначальные показания на чистом листе бумаги после того, как он явился в здание НАП, он официально не считался подозреваемым. Таким образом, имеющаяся в распоряжении Суда информация не позволяет определенно установить, что с момента его явки в штаб НАП с ним обращались как с лицом, вызванным для дачи показаний, или как со свидетелем.

105. Как бы то ни было, Европейский Суд отмечает, что согласно версии произошедшего, выдвинутой властями государства-ответчика, около 12 часов, когда все сотрудники полиции заканчивали давать показания, прокурор вернулся в зал и сообщил им, что в отношении десяти присутствовавших сотрудников полиции, в том числе заявителя, возбуждено уголовное дело и что они имеют право выбрать себе адвоката, а если они этого не сделают, им будет назначен государственный адвокат. Остальным сотрудникам полиции разрешили покинуть здание, так как им не было предъявлено обвинения.

106. Европейский Суд отмечает, что, когда заявитель давал первоначальные показания, он не знал о своем правовом статусе и вытекающих из этого статуса гарантиях. В этих обстоятельствах у Суда есть сомнения в том, соблюдались ли требования пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении заявителя в течение первых трех часов, проведенных им в здании НАП. Тем не менее Суд не намерен рассматривать этот вопрос, так как понятно, что по крайней мере с 12 часов уголовно-процессуальный статус заявителя прояснился в результате возбуждения в отношении него уголовного дела. С этих пор заявитель, несомненно, стал считаться подозреваемым, так что законность лишения его свободы с этого момента нужно рассматривать с точки зрения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

107. Румынское законодательство предусматривает только две меры пресечения, связанные с лишением свободы: задержание и заключение под стражу. Для избрания любой из этих мер требуются разумные признаки или доказательства, указывающие на то, что было совершено уголовно наказуемое деяние (см. пункт 1 статьи 143 УПК Румынии выше, в § 58), то есть сведения, с учетом которых подследственного можно на законных основаниях подозревать в совершении вменяющегося ему преступления (см. пункт 3 статьи 143 УПК Румынии

выше, в § 58). Однако до 22 часов 16 июля 2003 г. в отношении заявителя не была избрана ни одна из этих мер.

108. Европейскому Суду известно об ограничениях, которые предполагает расследование по уголовному делу. Он не отрицает сложности производства, возбужденного по настоящему делу, которое требовало проведения единой стратегии одним прокурором и принятия ряда мер в течение одного дня в рамках масштабного расследования, затрагивающего большое количество людей. Кроме того, он не оспаривает, что коррупция, стремительно распространяясь, подрывает доверие граждан к своим институтам. Суд также понимает, что власти государства должны занимать жесткую позицию по отношению к виновникам. Однако, когда речь идет о свободе, борьба с этим бедствием не может оправдывать произвол и области беззакония в тех местах, где происходит лишение свободы.

109. С учетом сказанного выше Европейский Суд полагает, что, по крайней мере с 12 часов, у прокурора возникли достаточно сильные подозрения, оправдывающие лишение заявителя свободы для целей расследования, и что румынское законодательство предусматривало меры, которые могли быть применены в такой ситуации: задержание и заключение под стражу. Тем не менее вторую из этих мер прокурор решил применить очень поздно, около 22 часов.

110. Соответственно, Европейский Суд полагает, что лишение заявителя свободы 16 июля 2003 г., по крайней мере с 12 до 22 часов, не имело оснований в законодательстве Румынии, а значит, представляло собой нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С СОДЕРЖАНИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ С 22 ЧАСОВ 16 ИЮЛЯ 2003 Г. ДО 22 ЧАСОВ 18 ИЮЛЯ 2003 Г.

111. В своей жалобе заявитель утверждал, что в постановлении об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу от 16 июля 2003 г. не было приведено конкретных оснований, в частности с точки зрения угрозы общественному порядку, которую повлекло бы за собой его освобождение. По его мнению, заключение его под стражу не оправдывалось разумными поводами подозревать его в совершении вменяемых ему преступлений. При этом он ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции.

A. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

112. В своем Постановлении по настоящему делу от 15 июня 2010 г. Палата Европейского Суда

пришла к выводу о том, что, если говорить об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в 22 часа 16 июля 2003 г., в основе имеющихся против него подозрений лежала совокупность конкретных фактов и доказательств, приобщенных к материалам дела и доведенных до его сведения, которые указывали на возможное совершение им вменяемых ему преступлений. Таким образом, они достигли необходимой степени разумности. По поводу конкретных оснований, приведенных в постановлении, Палата Суда отметила, что, как указала прокуратура, заявитель, будучи сотрудником полиции, мог оказать влияние на определенных лиц, которые подлежали допросу в ходе следствия. По мнению Палаты Суда, это являлось уместным и достаточным основанием, оправдывающим избрание в отношении заявителя меры пресечения в виде предварительного содержания под стражей в самом начале расследования. Соответственно, Палата Суда сочла лишение заявителя свободы обоснованным с точки зрения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и не усмотрела в деле нарушения этой статьи Конвенции в рассматриваемый период времени.

B. Позиции сторон

113. В своих письменных замечаниях, представленных в Большую Палату Европейского Суда, заявитель вновь указал на отсутствие разумных поводов подозревать его в совершении вменяемых ему преступлений. Имеющиеся подозрения не оправдывали избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, а значит, эта мера, по его мнению, не имела оснований в законодательстве. Признав, что прокурор ознакомил его с показаниями его коллег, указывающих на его причастность к совершению предполагаемых преступлений, заявитель утверждал, что следствие не располагало записями телефонных разговоров с его участием, которые могли бы служить основанием для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, как в отношении некоторых его коллег. Он больше не ссылаясь на то, что постановление об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу от 16 июля 2003 г. якобы не подкреплено конкретными доводами, в частности ссылкой на угрозу общественному порядку, которую повлекло бы за собой его освобождение.

114. Власти государства-ответчика также повторили доводы, представленные ими в Палату Европейского Суда.

C. Мнение Европейского Суда

115. По основаниям, приведенным Палатой Европейского Суда и изложенным выше, Европейский

ский Суд полагает, что лишение заявителя свободы с 22 часов 16 июля 2003 г. до 22 часов 18 июля 2003 г. являлось обоснованным с точки зрения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и, соответственно, в данном отношении по делу не было допущено нарушения этой статьи Конвенции.

**IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ
ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ
В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ
ПОД СТРАЖУ 25 ИЮЛЯ 2003 г.**

116. Заявитель утверждал, что содержание его под стражей после того, как 25 июля 2003 г. Генеральный прокурор Румынии в исключительном порядке ходатайствовал об отмене окончательного решения от 21 июля 2003 г. об освобождении его из-под стражи, являлось незаконным. Кроме того, он утверждал, что по делу было допущено нарушение принципа равенства сторон и принципа состязательности судопроизводства. При этом он ссылаясь на пункт 3 статьи 6 Конвенции.

117. Установив, что обжалуемая процедура касалась законности предварительного содержания под стражей, Палата Европейского Суда пришла к выводу, что эту жалобу следует рассматривать с точки зрения пункта 1 статьи 5 Конвенции. Стороны этот вывод не оспаривали, и Большая Палата Суда не видит оснований занимать иную позицию по данному вопросу.

**A. Постановление Палаты Европейского
Суда по настоящему делу**

118. В своем Постановлении по настоящему делу от 15 июня 2010 г. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что метод, которым воспользовались власти для исправления возможной ошибки, допущенной при толковании румынского законодательства, а именно обращение с ходатайством об отмене решения, не был для заявителя ни доступным, ни предсказуемым. Во-первых, стороны не могли прибегнуть к этому методу напрямую, так как обратиться с таким ходатайством мог только Генеральный прокурор Румынии. Однако он являлся начальником того прокурора, который распорядился заключить заявителя под стражу и просил румынские суды продлить срок содержания его под стражей. В ходе рассмотрения дела в обычном порядке у прокурора была возможность представить свои доводы по данному вопросу, но он этой возможностью не воспользовался. Во-вторых, Палата Суда отметила, что статья 410 УПК Румынии, в силу которой обращение с ходатайством об отмене окончательного судебного решения возможно в случае, если это решение «противоречит закону», является слишком неопределенной для того, чтобы вмешательство в производство по делу с использованием такого чрезвычайного

средства было предсказуемым. Вследствие этого Палата Суда сочла, что лишение заявителя свободы 25 июля 2003 г. не имело достаточных оснований в румынском законодательстве, поскольку оно не было предусмотрено «законом», удовлетворяющим требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции, а значит, в данном отношении по делу было допущено нарушение этой статьи Конвенции.

B. Позиции сторон

119. Стороны повторили доводы, представленные ими в Палату Европейского Суда. Однако власти государства-ответчика впервые отметили, что в настоящем деле, разрешив Генеральному прокурору Румынии обратиться с ходатайством об отмене решения, Верховный суд Румынии не рассматривал предъявленные заявителю обвинения по существу, а высказался исключительно по вопросу о содержании под стражей. Поэтому необходимо провести различие между настоящим делом и делами, в которых вопрос о соблюдении принципа правовой определенности рассматривался с точки зрения статьи 6 Конвенции.

C. Мнение Европейского Суда

120. Говоря о новом доводе властей государства-ответчика, Европейский Суд напоминает о своей устоявшейся практике, согласно которой, когда речь идет о лишении свободы, особую важность приобретает соблюдение общего принципа правовой определенности. Поэтому крайне важно, чтобы в законодательстве государства-ответчика были четко определены условия лишения свободы, и чтобы само это законодательство было предсказуемым в своем применении, так чтобы оно отвечало предусмотренному Конвенцией требованию «законности». Это требование предполагает, что все законы должны быть сформулированы достаточно четко, чтобы позволить человеку, в случае необходимости воспользовавшись консультацией специалиста, предвидеть в разумной в обстоятельствах дела степени возможные последствия того или иного действия (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (*Baranovski v. Poland*), § 52; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Моорен против Германии» (*Mooren v. Germany*) от 9 июля 2009 г., жалоба № 11364/03¹; § 72, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (*Medvedyev and Others v. France*), жалоба № 3394/03, § 80, ECHR 2010). По вопросу о применении этого принципа в настоящем деле Суд полностью согласен с выводами Палаты Суда о том, что

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2020. № 4 (примеч. редактора).

лишение заявителя свободы 25 июля 2003 г. не имело достаточных правовых оснований в румынском законодательстве, поскольку оно не было предусмотрено «законом», удовлетворяющим требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. С учетом доводов, приведенных Палатой Суда, Суд полагает, что в данном отношении по делу было допущено нарушение этой статьи Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

121. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб и моральный вред

1. Позиции сторон

122. При рассмотрении дела Палатой Европейского Суда заявитель просил выплатить ему сумму в размере 20 375 евро в качестве возмещения материального ущерба, связанного с потерей заработной платы, уменьшением его пенсии за выслугу лет и расходами на свое содержание, которые он понес за время содержания под стражей. Он представил заключение бухгалтера, составленное вне рамок производства по делу. Кроме того, он просил выплатить ему сумму в размере 300 000 евро в качестве компенсации предположительно причиненного ему морального вреда. При рассмотрении дела Большой Палатой Суда он не стал менять этих требований.

123. Власти государства-ответчика отметили, что заявитель не обосновал своих требований о возмещении материального ущерба, и указали на отсутствие причинно-следственной связи между предполагаемыми нарушениями статьи 5 Конвенции и материальным ущербом, на который он ссылался. Кроме того, они утверждали, что сумма, требуемая в качестве компенсации морального вреда, является чрезмерной.

2. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

124. Говоря о требованиях о возмещении материального ущерба, Палата Европейского Суда указала на отсутствие причинно-следственной связи между установленными Судом нарушениями Конвенции и требованиями заявителя. В любом случае эти требования не сопровождались соответствующими подтверждающими документами, так как представленное в Суд экспертное заключение было слишком поверхностным и не ссылалось на источники.

Однако Палата Суда пришла к выводу, что заявителю, несомненно, был причинен моральный вред, и, принимая решение на основе принципа справедливости, присудила ему сумму в размере 8 000 евро в качестве компенсации этого вреда.

3. Мнение Европейского Суда

125. Европейский Суд отмечает, что в основе решения о присуждении справедливой компенсации могут лежать только те нарушения Конвенции, которые были установлены Палатой Суда, а именно нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием правовых оснований для лишения заявителя свободы 16 июля 2003 г., по крайней мере с 12 до 22 часов, и для предварительного содержания его под стражей 25 июля 2003 г. после подачи ходатайства об отмене решения от 21 июля 2003 г. Принимая во внимание сказанное выше, доводы, приведенные Палатой Суда, и то, что заявитель не стал менять требований, с которыми он изначально обратился в Палату Суда, Суд отклоняет требования о возмещении материального ущерба и присуждает заявителю сумму в размере 8 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

B. Издержки и расходы

1. Представления сторон

126. Помимо этого, заявитель просил выплатить ему сумму в размере 890 румынских леев и сумму в размере 3 000 евро в качестве возмещения издержек и расходов, понесенных им в связи с рассмотрением дела судами Румынии и Палатой Европейского Суда. Он представил подтверждающие документы, касающиеся части этих сумм. Необходимо отметить, что заявитель не стал менять требования, с которыми он изначально обратился в Палату Суда, но ходатайствовал об оказании юридической помощи в отношении издержек и расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела Большой Палатой Суда.

127. Власти государства-ответчика отметили, что соответствующими документами подтверждается лишь часть требуемой суммы, и указали на отсутствие установленной связи между частью этих требований и настоящим делом.

2. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

128. Палата Европейского Суда присудила заявителю сумму в размере 500 евро в качестве возмещения судебных издержек и расходов.

3. Мнение Европейского Суда

129. Европейский Суд отмечает, что заявитель получил юридическую помощь в отношении издер-

жек и расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела Большой Палатой Суда. Следовательно, Суд может принимать во внимание только те издержки и расходы, которые были понесены в связи с рассмотрением дела румынскими судами и Палатой Суда.

130. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда судебные издержки и расходы по статье 41 Конвенции не возмещаются, если только не установлено, что они были фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов. Кроме того, судебные издержки возмещаются лишь в той части, в какой они имеют отношение к установленному нарушению Конвенции (см. в числе прочих источников Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (справедливая компенсация) (*Beucler v. Italy*) (just satisfaction) от 28 мая 2002 г., жалоба № 33202/96, § 27, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сахин против Германии» (*Sahin v. Germany*), жалоба № 30943/96, § 105, ECHR 2003-VIII).

131. С учетом сказанного выше Европейский Суд присуждает заявителю сумму в размере 500 евро в качестве возмещения судебных издержек и расходов.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

132. Европейский Суд считает целесообразным установить процентную ставку при просрочке выплаты компенсации в размере предельной годовой процентной ставки Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

На основании вышеизложенного Европейский Суд единогласно:

- 1) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика;
- 2) *постановил*, что по делу имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с лишением заявителя свободы 16 июля 2003 г., по крайней мере с 12 до 22 часов;
- 3) *постановил*, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей с 22 часов 16 июля 2003 г. до 22 часов 18 июля 2003 г.;
- 4) *постановил*, что по делу имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей 25 июля 2003 г.;
- 5) *постановил*, что:

(а) власти государства-ответчика в течение трех месяцев обязаны выплатить заявителю следующие суммы с переводом их в денежные единицы государства-ответчика по курсу обмена валюты на день выплаты:

(i) сумму в размере 8 000 (восемь тысяч) евро плюс любые налоги, которые могут подлежать

уплате с указанной суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) сумму в размере 500 (пятисот) евро плюс любые налоги, которые заявитель, возможно, должен будет уплатить с этой суммы, в качестве возмещения судебных издержек и расходов;

(b) с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю проценты в размере предельной годовой процентной ставки Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта;

б) *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и на французском языках и оглашено на публичном слушании дела во Дворце прав человека (г. Страсбург) 23 февраля 2012 г.

Венсен БЕРЖЕ
Юриискосульт
Европейского Суда

Николас БРАТЦА
Председатель
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению приобщаются следующие мнения судей:

(а) совпадающее мнение судьи Н. Братцы;

(b) совместное совпадающее мнение судей Ж.-П. Коста, Л. Гарлицкого, А. Гюлюмян, Э. Мийера, П. Хирвеля, Дж. Малинверни, Н. Вучинича и Г. Раймонди.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Н. БРАТЦЫ

1. Я полностью согласен с выводами большинства судей Европейского Суда по всем аспектам настоящего дела. В частности, я разделяю мнение о том, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с лишением заявителя свободы 16 июля 2003 г., по крайней мере с 12 до 22 часов.

2. Кроме того, я в целом согласен с рассуждениями Европейского Суда, которые привели к этому выводу, начиная с параграфа 91 Постановления. Однако я не принимаю рассуждений большинства судей по вопросу о бремени доказывания в параграфах 88–90 постановления. Эти рассуждения, на мой взгляд, неправильны и не являются необходимыми для того, чтобы прийти к упомянутому выше выводу.

3. Традиционный подход Европейского Суда к определению того, имело ли место лишение свободы по смыслу положений пункта 1 статьи 5 Конвенции или просто ограничение свободы передвижения, которая этой статьей Конвенции не регулируется, заключается в том, чтобы рассмотреть конкретное положение заявителя, каким

оно представляется исходя из имеющихся в распоряжении Суда материалов, с учетом целого ряда критериев, в частности вида, длительности, последствий и способа реализации ограничительной меры, о которой идет речь в деле. При этом Суд обычно считает необязательным анализировать вопросы бремени и стандарта доказывания. Когда спорные обстоятельства были установлены при рассмотрении дела судами государства-ответчика, Страсбургскому суду обычно требуются убедительные доводы, чтобы не согласиться с их выводами, хотя он не обязательно должен следовать юридическим умозаключениям суда государства-ответчика по вопросу о том, указывают обстоятельства дела на лишение свободы по смыслу положений пункта 1 статьи 5 Конвенции или нет. Когда, как в настоящем деле, выводы судов государства-ответчика по этому вопросу отсутствуют, а стороны расходятся во мнениях по поводу обстоятельств дела, Европейский Суд обычно рассматривает ситуацию исходя из свободной оценки всех имеющихся в его распоряжении материалов, в том числе умозаключений, которые могут вытекать из общепризнанных фактов и из представлений сторон.

4. В настоящем деле, по мнению властей государства-ответчика, заявитель не привел доказательств того, что он был лишен свободы, хотя и обязан был это сделать, чтобы иметь возможность претендовать на статус жертвы нарушения своих прав по смыслу положений статьи 34 Конвенции. В Постановлении этот довод был отклонен, а Европейский Суд справедливо отметил, что положения Конвенции не обязательно во всех случаях предполагают строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio*. Однако далее в Постановлении, напротив, был сделан вывод о том, что в настоящем деле бремя доказывания лежит на властях государства-ответчика, поскольку заявитель привел согласующиеся между собой доказательства, которые *prima facie* могут указывать на его нахождение под безраздельным контролем властей в тот день, когда происходили обжалуемые по делу события.

5. Я считаю бесполезным рассматривать это дело с точки зрения бремени доказывания. У меня есть серьезные сомнения, действительно ли в конечном счете, речь идет о деле, в котором допустим перенос бремени доказывания. Две категории дел, о которых говорится в параграфе 89 Постановления, предполагающие возложение бремени доказывания на власти государства-ответчика (дела о предполагаемых нарушениях статей 2 и 3 Конвенции, касающиеся причинения смерти или телесных повреждений во время содержания под стражей, и дела о предполагаемых нарушениях пункта 1 статьи 5 Конвенции, касающиеся исчезновения лиц, которых последний раз видели в военных или полицейских учреждениях, куда их официально вызвали), напоминают обстоятельства настоящего дела весьма отдаленно. Так, если в ситуации, когда

человека официально вызвали в место, находящееся под контролем властей, и с тех пор его никто не видел, существуют веские основания возложить бремя доказывания на власти государства-ответчика, чтобы они доказали, что он добровольно покинул это место, в настоящем деле такого рода основания отсутствуют, поскольку вопрос заключается в том, нужно ли в силу фактических обстоятельств дела считать, что человек был лишен свободы по смыслу положений пункта 1 статьи 5 Конвенции. В своем постановлении Европейский Суд исходит из того, что заявитель по настоящему делу, получив повестку, вошел в здание, находящееся под контролем властей, однако самого по себе этого, на мой взгляд, недостаточно для того, чтобы возложить бремя доказывания на власти.

6. По моему мнению, вывод о том, что, какой бы ни была ситуация до 12 часов, впоследствии заявитель точно был лишен свободы, к которому пришло большинство судей Европейского Суда на основании имеющихся в распоряжении Суда материалов, можно и нужно было сделать без необходимости возлагать бремя доказывания на власти Румынии.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ Ж.-П. КОСТА, Л. ГАРЛИЦКОГО, А. ГЮЛУМЯН, Э. МИЙЕРА, П. ХИРВЕЛЯ, ДЖ. МАЛИНВЕРНИ, Н. ВУЧИНИЧА И Г. РАЙМОНДИ

1. Мы согласны с тем, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с лишением заявителя свободы 16 июля 2003 г., однако мы полагаем, что это лишение свободы продолжалось не «по крайней мере» с 12 до 22 часов (как указано в пункте 2 резолютивной части и в параграфах 100 и 109 мотивировочной части Постановления), а «только» в течение этого периода времени.

Положение заявителя с 9 до 12 часов представляло собой не лишение свободы, а просто ограничение его свободы передвижения. Было бы желательно, чтобы Большая Палата как высший судебный состав Европейского Суда по возможности избегала оставлять вопросы без ответа и пришла к этому выводу с учетом следующих факторов.

2. Положение заявителя с 9 до 12 часов определялось сочетанием обязательств, вытекающих из повестки, направленной следственным органом, и подчиненности заявителя дисциплине воинского типа.

3. Во-первых, заявитель находился в здании НАП вследствие получения повестки с требованием явиться в НАП для дачи показаний в целях расследования по уголовному делу. Может быть, после того, как он вошел в здание НАП, у него и могли возникнуть проблемы, когда он попытался уйти отту-

да без разрешения, но это можно сказать о многих лицах, вызванных для дачи показаний в полицию, к прокурору или в суд. Такие лица обязаны явиться и никуда не отлучаться столько времени, сколько займет снятие показаний. Это означает, что они не могут уйти во время проведения следственных действий (см. § 90 Постановления). Данное ограничение применяется не только к лицам, вызванным в качестве «свидетелей», но и к тем «подозреваемым» (то есть лицам, которым уже предъявлено обвинение), которые не содержатся под стражей. Даже если физически им ничто не мешает покинуть здание без разрешения, закон предусматривает ответственность (как административную, так и уголовную) за несоблюдение указанного ограничения. Считается очевидным, в том числе и в прецедентной практике Европейского Суда, что в контексте расследования по уголовному делу к ограничению свободы передвижения приравнивается не только

обязанность явиться, но и обязанность никуда не отлучаться до получения разрешения.

4. Во-вторых, заявитель, будучи сотрудником полиции, подчинялся воинской дисциплине. Он, как и несколько его коллег, получил приказ своего начальника явиться в НАП. Таким образом, его нахождение в НАП являлось результатом надлежащего следования дисциплине, которой он подчинялся. Сама суть воинской дисциплины заключается в том, что в ряде случаев подчиненный должен идти туда, куда ему прикажут идти, и оставаться там столько, сколько ему прикажут там оставаться. Кроме того, она может предполагать ответственность за невыполнение приказа и даже физические ограничения в случае отказа его выполнить. Такие ограничения передвижения характерны для деятельности любого воинского формирования и не имеют ничего общего с лишением свободы.